

Живая история

М. М. Иванов

Воспоминания
генерала
Российской армии

1861 – 1919

Живая история (Кучково поле)

Михаил Иванов

**Воспоминания генерала
Российской армии. 1861–1919**

«Кучково поле»

1919

Иванов М. М.

Воспоминания генерала Российской армии. 1861–1919 /
М. М. Иванов — «Кучково поле», 1919 — (Живая история
(Кучково поле))

ISBN 978-5-9950-0488-2

Воспоминания генерал-майора М. М. Иванова (1861–1935) открывают картину жизни России после Великих реформ 1860–1870-х годов. Перед читателем предстает жизненный путь «человека из народа», благодаря исключительно своему трудолюбию и упорству достигшего значительных высот на службе и в жизни. Читатель не только следит за перипетиями личной жизни и карьеры автора, но и становится свидетелем событий мирового масштаба: покушения народовольцев на императора Александра II, присутствие русских в Китае в 1890–1900-х, Боксерское восстание, Русско-японская война, обустройство форпоста русского присутствия на Тихом океане – Владивостока, Первая мировая и Гражданская войны... Яркими красками описаны служба автора в Крыму, где ему довелось общаться с семьей выдающегося художника-мариниста И. К. Айвазовского, путь через моря и океаны из Одессы на Дальний Восток и др.

ISBN 978-5-9950-0488-2

© Иванов М. М., 1919

© Кучково поле, 1919

Содержание

Предисловие	6
Воспоминания генерала Российской армии. 1861–1919	18
Предисловие автора	18
Автобиография генерал-майора Михаила Михайловича Иванова	19
Конец ознакомительного фрагмента.	57

М. М. Иванов
Воспоминания генерала
Российской армии. 1861–1919

© ФКУ «Государственный архив РФ», 2016

© Марыняк А. В., предисл., коммент., 2016

© ООО «Кучково поле», 2016

* * *

Предисловие

Представляемые читателю воспоминания генерал-майора Михаила Михайловича Иванова являются крайне интересный источник не только по истории русской армии, но и по всей жизни России второй половины XIX – начала XX века. Оказавшиеся в эмиграции русские офицеры и генералы нередко брались за перо, чтобы вспомнить милую ушедшую старину, описать внутренний быт родной армии, канувшей в Лету, почтить память своих павших товарищей... За последние десятилетия доступ к этим источникам как для профессиональных историков, так и для всех интересующихся отечественной историей последних двух веков, стал намного проще, многие из них были изданы в Российской Федерации и нашли своего читателя.

На общем фоне воспоминания М. М. Иванова выделяются достаточно резко и стоят особняком. Исключительная особенность мемуаров – то, что автор писал их не для широкого читателя, в отличие от большинства мемуаров русских офицеров начала XX века, а посвящал своей дочери, подробно описывая свою жизнь очень непосредственным языком. Тонко подмечая мелочи жизни, доскональные подсчеты «до копейки», вместе с тем открывал простодушный взгляд на жизнь и поиск простых ответов на сложные вопросы случившегося с Россией.

Сама исключительность воспоминаний Михаила Михайловича притягивает внимание читателя – но читателя, знакомого с темой. Это совсем не призма, отражающая реальную картину. М. М. Иванов – не правило, а исключение для Императорской армии начала XX века. Подобный слой командиров практически сошел после Русско-японской войны, когда требования к офицерскому корпусу резко возросли, когда полученное образование офицера и выполнение им своих служебных обязанностей стали нераздельны.

В силу ряда обстоятельств можно утверждать, что генерал-майор М. М. Иванов для русской армии 1910-х годов – человек случайный. Выбор военной карьеры был сознателен, но полученное образование, с которым он поступил на военную службу, совсем скоро уже стало недостаточным: вскоре после его приема в училище доступ к офицерским эполетам для вольноопределяющихся 3-го разряда по образованию стал возможен только после сдачи экзамена, а уже в середине 1880-х годов данная категория при отбытии действительной службы была вообще ликвидирована: требования армии порой даже опережали успехи Министерства народного просвещения.

Ровное движение по служебной лестнице «по старшинству в чине» затягивало чинопроизводство, и вскоре после Русско-японской войны 1904–1905 годов человек со схожей биографией, скорее всего, волей-неволей был бы вынужден покинуть ряды армии: был принят закон «о предельном возрасте», согласно которому подлежали увольнению обер-офицеры старше 45 лет и штаб-офицеры старше 55 лет. Но заслуженный в Маньчжурии Михаилом Михайловичем орден Святого Георгия 4-й степени автоматически исключал его из рядов «кандидатов на выбывание». В итоге Михаил Михайлович представлял собой тот, уже редкий в начале XX века, пример, когда человек достигал генеральских погон с профессиональным образовательным уровнем окружного пехотного юнкерского училища (выпускники которых в это время уступили «пальму первенства» в составе офицерского корпуса людям, прошедшим курс военных училищ, чья программа была несравненно более расширенной, нежели в юнкерских).

Фактически перед нами пример более чем успешной карьеры «человека из народа», чье продвижение по службе опиралось в первую очередь на усердное исполнение служебных обязанностей и личную доблесть. Поэтому достигнутые успехи были столь важны и значимы для Михаила Михайловича, свидетельством чему является тщательное высчитывание положенной ему пенсии, произведенное в Харбине уже в 1926 году. От этого сюжета веет определенным трагизмом: честно отдавший годы и здоровье службе старик высчитывает пенсию, хотя государства, которое могло бы ему ее платить, уже не существует почти 10 лет. Нередко встреча-

ющийся пример, когда для эмигрантов (особенно пожилых) время остановилось, а крушение государства стало и личным крушением, принять и даже признать которое было психологически почти невозможно...

Михаил Михайлович Иванов родился 22 сентября 1861 года в Костроме, но по всем документам значился «из уроженцев Ярославской губернии», где прошла большая часть его детства и юности. Детство автора мемуаров выпало на эпоху великих реформ, связанных с коренными изменениями в большинстве сторон русской жизни. Внук «николаевских солдат», Михаил Михайлович, как и его братья, избрал для себя военную карьеру. Он был одним из первых учащихся новой «пореформенной» системы образования, изменения в сфере которого самым активным образом коснулись не только гражданского, но и военного ведомства.

С начала царствования императора Александра II широко распространилось мнение о необходимости отделения специального образования от общего. Такого же мнения придерживались и в военном ведомстве, и занявший в 1860 году пост главного начальника военно-учебных заведений великий князь Михаил Николаевич, и возглавивший военно-учебное ведомство вслед за ним генерал-майор Н. В. Исаков были твердыми противниками существования прежней системы кадетских корпусов, готовивших своих воспитанников непосредственно к офицерской службе. Под руководством военного министра Д. А. Милютин был проведена коренная реформа военного образования: старшие классы кадетских корпусов сводились в военные училища (1-е военное Павловское, 2-е военное Константиновское, 3-е военное Александровское и Николаевское кавалерийское), корпуса лишались строевой организации, а вскоре были преобразованы в военные гимназии, в которых до минимума была сокращена военная составляющая, шло сокращение числа казеннокоштных вакансий, увеличилось число «приходящих» учащихся.

Для тех же, кому курс военных гимназий был труден для усвоения, были созданы военные прогимназии, в одной из которых, созданной в 1868 году на базе Ярославской военной школы, некоторое время обучался наш автор. Главной задачей данного типа учебных заведений было дать комплектование создаваемым окружным юнкерским училищам, готовившим до конца XIX века большую часть русского офицерского корпуса. Образование, даваемое в них, было «классом ниже», нежели в военных училищах, выпускники которых получали преимущество по службе. Вследствие более низких требований в военные прогимназии переводились неуспевающие ученики военных гимназий, также немалое значение имели и благотворительные цели: значительная часть учащихся получала образование за казенный счет (в первую очередь, дети военных).

Из-за переезда семьи в Москву Михаилу Михайловичу пришлось прервать довольно удачно начавшееся образование. Не удержавшись в Москве, семья Ивановых возвращается в Ярославль, но пропущенный учебный год (1873–1874) лишает маленького Михаила места в военной прогимназии. Не без труда отцу удается устроить его в Ярославское городское училище.

Городские училища образца 1872 года также стали новой страницей в системе образования Российской империи. Несмотря на то, что Положение о городских училищах было утверждено 31 мая 1872 года, преобразование уездных училищ в городские началось лишь в 1875 году. Временной люффт был затрачен на подготовку педагогических кадров для нового типа учебных заведений: на одного преподавателя ложилось ведение большинства предметов. Курс городских училищ был короче и значительно легче курса классических гимназий и реальных училищ, с которым значительная часть учащихся просто не справлялась. Целью нового типа учебных заведений было дать законченное (пусть и «высшее начальное») образование, их выпускники имели право на получение первого классного чина без экзамена и могли поступать на государственную службу.

Курс городского училища Михаил Михайлович закончил в 1877 году, когда шла Русско-турецкая война 1877–1878 годов. Юный Михаил решил посвятить себя службе в морской артиллерии, специалистов которой стали готовить в переведенном в 1872 году в Кронштадт Техническом училище Морского ведомства. Не имея за плечами законченного среднего образования, Михаил попытался воплотить амбициозный план – поступить в училище, отнесенное в 1876 году к числу высших учебных заведений.

Артиллерийский отдел училища имел 9 вакансий, желающих прибыло 57 человек. Год, проведенный в усиленных занятиях, не пропал даром: Михаил успешно выдержал все экзамены, но тем не менее не прошел по числу баллов. Раздосадованный юноша был вынужден вернуться домой, в Ярославль.

В это время как раз началось возвращение домой русских полков с театра военных действий. После неудачи в Кронштадте Михаил решает поступить на сухопутную военную службу и начинает готовиться к экзамену на звание вольноопределяющегося весной 1879 года. Еще более укрепил юношу в его решении вид бравого юнкера и бывшего однокашника – Шавлинского, прибывшего домой на Рождество 1878 года: «От его вида в военной форме, красиво и аккуратно пригнанной, я пришел в восторг... я решил поступить тоже в гренадерский полк – кепи с высоким султаном была теперь моя мечта». Выбор жизненного пути был сделан.

Свидетельство об окончании городского училища давало право по образованию 3-го разряда, но для поступления вольноопределяющимся в войска этого было недостаточно, и в марте 1879 года Михаил Михайлович держит еще один экзамен при Ярославской военной прогимназии в объеме ее программы. Выпускники военных прогимназий должны были пополнять юнкерские училища, куда они принимались без экзамена (аналогично и с выпускниками военных гимназий, переводившихся в военные училища), но началу юнкерской жизни предшествовало зачисление на несколько месяцев в строевые части с правами вольноопределяющихся 3-го разряда.

Мечтой Михаила было поступить вольноопределяющимся в Малороссийский гренадерский полк, так поразивший его (как и всех горожан) при прохождении через Ярославль на обратном пути с Балкан. Но гренадеры вернулись на свои мирные стоянки, и, по настоянию отца, выбор юноши пал на 137-й пехотный Нежинский полк, где ранее служил старший брат Михаила. Этот полк стоял в Ярославле, среди его офицеров было немало знакомых. Последнее обстоятельство оказалось немаловажным – закон требовал согласия командира полка на поступление в его часть вольноопределяющимся того или иного человека, и число вакансий было строго ограничено. К тому же, «обживаться» в знакомой среде эмоционально легче...

Вольноопределяющимися, после введения в 1874 году Устава о воинской повинности, стали именоваться молодые люди с тем или иным образовательным цензом, поступавшие добровольно на воинскую службу, не дожидаясь своего срока призыва, с целью отбыть действительную службу в сокращенные сроки и получить право на сдачу офицерского экзамена. Основной задачей введения института вольноопределяющихся было формирование корпуса офицеров запаса.

Первые годы после принятия Устава о всеобщей воинской повинности в 1874 году срок службы призванных и вытянувших жребий (российская особенность: число физически годных призывников превышало потребности армии, поэтому они тянули жребий – кто-то отправлялся на действительную службу, остальные же сразу зачислялись в запас армии) в пехоте и пешей артиллерии составлял 6 лет. Даже призванные по жребию, но обладавшие образовательным цензом молодые люди служили значительно меньше (от полугода до 3 лет), добровольно же поступавшие на службу вольноопределяющимися сокращали себе этот срок:

– вольноопределяющиеся 1-го разряда (т. е. окончившие высшие учебные заведения) – до 3 месяцев;

– вольноопределяющиеся 2-го разряда (прошедшие курс средних учебных заведений, равный 6 классам реальных училищ и гимназий Министерства народного просвещения) – до 6 месяцев;

– вольноопределяющиеся 3-го разряда (т. е. окончившие прогимназии, учительские семинарии и др. учебные заведения, курс которых мог быть приравнен к 4 классам реальных училищ и гимназий МНП) – до 2 лет.

В пореформенное время правительство таким образом старалось поощрить население к получению образования.

Но нашего героя интересовали, прежде всего, не сокращенные сроки действительной службы, а возможность поступить из рядов войск в юнкерское училище, получить за казенный счет достойное образование и начать карьеру офицера.

3 мая 1879 года М. М. Иванов был зачислен в списки 137-го пехотного Нежинского полка и определен в 12-ю роту, которой командовал товарищ его старшего брата Александра, капитан М. А. Сушевский. Вольноопределяющиеся могли шить себе обмундирование на заказ, чем и воспользовался автор, прибегнув к услугам портных Ярославской военной прогимназии.

Вольноопределяющихся в сжатый срок должны были подготовить к экзамену на звание унтер-офицера, поэтому все они в полку были собраны в одну команду, которой усиленно занялся строевик и службист, командир 13-й роты капитан И. И. Ярилов. В начале августа вольноопределяющиеся были отправлены в Москву, где собирались молодые люди из всех частей Московского военного округа, желавшие поступить в Московское пехотное юнкерское училище. Выпускники военных прогимназий поступали в младший класс училища без экзаменов, поэтому вакансий для остальных желающих почти не оставалось. По крайней мере, наш герой, несмотря на успешно сданные экзамены, не попал в младший класс, но был принят в приготовительный. Учиться, таким образом, ему предстояло не два, а три года. Первый уходил, в основном, на «подтягивание» общеобразовательных предметов.

Относительно скромный по объему и глубине курс юнкерских училищ вскоре был признан недостаточным в качестве базового образования основной массы офицерского состава. Усложнялось военное дело, все большие требования предъявлялись к офицеру. Это привело к постепенному внедрению в юнкерских училищах так называемого «военно-училищного курса»: к 1903 году программы двух типов учебных заведений были максимально сближены, а в 1911 году юнкерские училища как отдельный тип военно-учебных заведений перестали существовать. Последние оставшиеся были преобразованы в военные училища с трехлетним курсом обучения.

В первый год пребывания в училище Михаил Михайлович участвовал в смотре войск Московского гарнизона и видел императора Александра II. По традиции, на правом фланге войск стояли военно-учебные заведения, Московское пехотное юнкерское – в затылок Александровскому военному училищу. Время было беспокойное, все большие обороты набирала деятельность революционных организаций – в том числе «Народной воли». Свидетельством стал взрыв, прогремевший на железной дороге под Москвой. Взорвать императорский поезд по пути из Крыма не удалось. В начале 1881 года ситуация на улицах Москвы изменилась зримо: вернувшемуся из Рождественского отпуска юнкеру М. М. Иванову попадались арестантские кареты, на улицах – казацкие патрули... А 2 марта юнкера приносили присягу на верность службы новому императору – Александру III.

8 августа 1882 года М. М. Иванов вместе со своими однокашниками был произведен в подпрапорщики. В отличие от военных училищ, где большинство юнкеров сразу при выпуске производились в офицерские чины, выпускники юнкерских училищ производились сначала в подпрапорщики, а уже затем, через несколько месяцев, в частях войск – в офицеры.

27 февраля 1883 года М. М. Иванов был высочайшим приказом произведен в первый офицерский чин – прапорщика. Первое время он не мог привыкнуть к своему новому положе-

нию. 20-летний молодой человек оказался морально не готов к самостоятельной жизни: выйдя в свой же полк, стоявший в родном городе, он продолжал жить в родительском доме, четко выполняя свои служебные обязанности, но почти не участвуя во внутренней жизни полка, избегая и сторонясь офицерского общества. Вряд ли все можно было объяснить небольшим офицерским жалованием (хотя Михаил Михайлович и упирает на то, что ему больше нравилось положение подпрапорщика, жившего на всем казенном, а офицеру приходилось себя целиком содержать на небольшое жалованье, в том числе и обмундировываться).

Служба занимала основное внимание молодого офицера, благо отвлекающих факторов практически не было. Не без внутренней гордости Михаил Михайлович замечает: «Служба шла хорошо, я считался исправным и исполнительным офицером, если мне что-то поручали, то я гордился этим и старался выполнить как можно лучше».

В 1885 году М. М. Иванов становится сперва заядлым театралом, а потом и сам начинает выступать на любительской сцене. Необычное для кадрового офицера Русской Императорской армии увлечение, хотя Михаил Михайлович и отмечает, что оно оказывало лишь благотворное влияние, «отвлекая от попок и прочего».

Тем не менее, выбор для молодого подпоручика довольно нетривиальный – отношение к артистам и актерам в конце XIX века сильно отличалось от современного. Особенно строго оно было в офицерской среде: разумеется, никто не возбранял восхищаться актерской игрой, и среди офицеров было немало театралов, но, например, вряд ли офицер получил бы разрешение на брак с актрисой, а выступать на платных представлениях офицеру было запрещено законом. Автор же серьезно увлечен актерским искусством, хотя перечисление «врезавшихся в память» пьес говорит о формировании нестандартного для общества вкуса: «Гражданский брак», «Майорша», «Гамлет», «Гроза». Комедия и драма Н. И. Чернявского и И. В. Шпагинского почему-то оставили за собой таких «великанов», как У. Шекспир и А. Н. Островский. Такая страсть, наравне с пренебрежением общением с полковой семьей («полкового собрания... я не посещал»), выглядела по меньшей мере странно, учитывая, что именно увлечение театром стало «пропускным билетом» для вхождения в «общество» и в Крым, и на Кавказе. Вряд ли вхождение ротного командира (у которого, вдобавок, явно не сложились отношения с полковым командиром) в дом командира бригады, благодаря увлечению супруги последнего театром, не могло не вызвать пересуды в «маленьком гарнизоне». Для М. М. Иванова же актерские способности оказались одним из подспорий при движении по служебной лестнице. А вкус автора «проступает» в выборе порой прос то-таки водеvilльных сюжетов и стилистических оборотов.

Михаил Михайлович, рассказывая о быте «маленьких гарнизонов», делает спорный вывод о едва ли не фотографической точности описания жизни в произведении А. И. Куприна «Поединок». Рискнем же предположить, что А. И. Куприн в своей повести сильно сгустил краски.

По крайней мере, именно так воспринимали это произведение в офицерской массе. Таково же мнение генерал-лейтенанта А. И. Деникина: «Если *каждый* тип в «Поединке» – живой, то такого собрания типов, такого полка в русской армии не было».

Отличительной чертой автора воспоминаний является очень цепкая память: четкое перечисление тех или иных покупок, предметов интендантского довольствия, часто с указанием не только количества, но и цен, точно указанные расстояния позволяют автору максимально подробно показать картину русской провинциальной жизни. Недаром за основу написания воспоминаний взят дневник, в котором автор регулярно в течение жизни оставлял краткие записи.

Могут вызвать у читателя улыбку и краткие абзацы, посвященные личной жизни автора с точным перечислением «дам сердца», наподобие списочного состава роты, с указанием фамилии-имени-отчества. Вообще, описывая какие-то семейные или личные моменты, автор откро-

венен, порой представляя читателю подробности, которые можно было бы смело опустить (к примеру, сцена с танцами в детстве).

Посвященный, по словам автора, малолетней дочери текст просто переполнен совершенно лишними для адресата подробностями. Таковыми же они являются и для стороннего читателя: повествования о «Мессалинах» маленьких гарнизонов зачем-то полны инициалов, но уяснить, какие именно претензии предъявляет автор в конкретных случаях, нелегко. Вместо повествования М. М. Иванов иногда предпочитает «делать страшные глаза». Повторимся, что нахождение некоторой части сюжетов в адресованной дочери рукописи совершенно, на наш взгляд, неоправданно, а лукавый уход за инициалы и многоточия не добавляет ясности изложению.

Для поправления здоровья супруги М. М. Иванов переводится служить на юг – из Рязани в Феодосию, в 52-й пехотный Виленский полк, входивший в состав 13-й пехотной дивизии. На рубеже XIX–XX веков служба в ряде частей Одесского военного округа, особенно расквартированных в прибрежных городах, имела свою специфику. Прежде всего, это касалось полков 13-й пехотной дивизии и 4-й стрелковой бригады. В конце XIX века Россия вплотную приблизилась к контролю над Черноморскими проливами (в первую очередь, Босфором). Важность входа в Черное море прекрасно осознавалась, события на Балканах и в Османской империи говорили о том, что наступит момент, когда император должен будет в сжатые сроки «принять на себя защиту входа в Черное море». Планы Босфорской десантной операции тщательно готовил начальник Главного штаба и выдающийся русский военный и государственный деятель, генерал от инфантерии Николай Николаевич Обручев, к этому готовился Черноморский флот, для этого тренировались содержащиеся в усиленном составе приморские части Одесского военного округа, которые должны были войти в «войска первого рейса». Именно для внешнеполитического обеспечения этой операции в 1887 году был заключен так называемый «Договор перестраховки» между Российской и Германской империями, обеспечивавшей невмешательство Германии в случае установления русского контроля над проливами.

Свой высокий уровень «морской» подготовки чины полков 13-й пехотной дивизии и 4-й стрелковой бригады подтвердили и на Дальнем Востоке, куда прибыли (вместе с автором воспоминаний), послужив основой формирования частей 11-го Восточно-Сибирского стрелкового полка.

Одним из главных мотивов, побудивших Михаила Михайловича сменить курортный Крым на еще вовсе не обжитые дальневосточные рубежи, да еще в «свежеприобретенной» Россией Квантунской области, внутри китайской территории, была надежда на ускоренное чинопроизводство. При царе-миротворце Александре III Россия наслаждалась мирным временем, экономический рост и развитие страны не омрачались военными тревогами, а престиж империи был «на высоте». Армию же подобный «штиль», столь редкий в отечественной истории, привел к некоторому застою. Например, чинопроизводство в полках шло исключительно по старшинству в чинах и на освобождающиеся должности, которые... не освобождались. В частности, М. М. Иванов в 35 лет, через 8 лет пребывания в чине поручика, все еще в нем оставался. То есть даже в случае открытия вакансии очередь до него дошла бы только через несколько (и немало!) лет. Для значительной части армейских строевых офицеров того времени венцом карьеры было производство в чин подполковника, получаемый уже при выходе в отставку. Должность командира роты была служебным потолком.

Перевод на Дальний Восток во вновь формируемый полк, безусловно, предоставлял столь редкую в России возможность карьерного роста, да и жалованье в отдаленных местностях империи было повышенное.

Что же вызывало необходимость усиления России на Дальнем Востоке?

К концу XIX века в правящих кругах мировых держав широкое распространение получило убеждение о необходимости наличия для великой державы выхода в мировой океан.

И выхода незамерзающего, которого у России до сих не было. В то же время заканчивался период раздела колониальных территорий, одним из последних объектов для экспансии оставался Китай. Там сталкивались интересы и Великобритании, и Германии, и модернизированной Японии, серьезным игроком в Тихоокеанском регионе постепенно становились США. Россия волей-неволей вступала в соперничество со всеми этими государствами. Помимо военно-стратегических и государственных интересов стран, затрагивались и торгово-коммерческие.

Беспечную невозмутимость на восточных рубежах более нельзя было терпеть. Требовалось усиление военно-морского присутствия, для чего было необходимо строительство нового, незамерзающего (поскольку русская Тихоокеанская эскадра в то время зимовала в Японии), порта. Требовалось соединить Дальний Восток с европейской Россией железнодорожным путем и усилить русское военное присутствие в регионе (были известны действия европейских инструкторов по модернизации китайских частей вблизи российских пределов, а японская попытка «проникнуть на материк» была лишь вопросом времени, причем самого скорого). Россия проиграла соперничество с Японией в Корее («независимость» которой была объявлена Китаем после поражения в Японо-китайской войне 1894–1895 годов). Но условия мирного договора, согласно которому Японская империя получала от Китая и Ляодунский полуостров, т. е. выходила на материковую часть и приближалась к российским сухопутным границам, не могли устроить Россию. Ее протест был поддержан Францией и Германией. Япония отказалась от Ляодуна в обмен на увеличение контрибуции и начала готовиться к войне с Россией.

Оказав значительные услуги Китаю, российское правительство вправе было рассчитывать на некоторую компенсацию. Ею послужило право на строительство знаменитой Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), спрямившей по правому берегу Амура Транссибирскую магистраль. Через 80 лет частная железная дорога должна была бесплатно перейти в собственность Китая.

Вторым достижением стала аренда Квантунского полуострова со строительством там военно-морской базы Порт-Артура и коммерческого порта и города Дальний. Вслед за Германией, получившей концессию на 99 лет и построившей свою колонию и порт Циндао, и дабы опередить Великобританию, в декабре 1897 года русские суда вошли в гавань Порт-Артура и Талиенвана. 15 марта 1898 года в Пекине был подписан договор, согласно которому Китай уступал в аренду России на 25 лет Талиенван и Порт-Артур и давал согласие на строительство железнодорожной ветки (в будущем – Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД)).

Столь значительное расширение русских интересов на Востоке, безусловно, требовало возможности подкрепить их силой: этого требовал фактически оторванный от Европейской России край, оказать помощь которому в сколь-нибудь сжатые сроки было попросту невозможно (корабли Тихоокеанской эскадры на Дальний Восток шли из Балтики, а основное грузопассажирское сообщение – через Одессу, в обход половины земного шара).

Автор прибывает в Талиенван одним из первых – в 1898 году. Любопытно его описание путешествия из Одессы в Порт-Артур. Упоминаемый при описании перевозок из Порт-Артура в Талиенван купец Тифонтай был для русского Дальнего Востока рубежа XIX–XX веков личностью поистине легендарной. Николай Иванович (автор упоминает его как Ивана Ивановича) Тифонтай оказался в России в 1873 году в качестве переводчика. К 1895 году, когда он перешел в русское подданство, Тифонтай являлся одним из крупнейших (если не самым крупным) дальневосточных предпринимателей, немалые средства тратил на благотворительность. В годы Русско-японской войны значительная часть армейского снабжения была в руках Н. И. Тифон-тая, который старался как можно больше содействовать русским войскам, порой не дожидаясь необходимых документов или оплаты. В итоге предприниматель, занимавшийся интендантскими поставками во время войны, понес серьезные финансовые убытки, что случалось крайне редко.

На Дальнем Востоке М. М. Иванов приобрел первый боевой опыт во время так называемого Боксерского восстания, или восстания ихэтуаней. Широкое проникновение европейских держав в Китай, приобретение ими преимуществ в торговле, активная деятельность христианских миссионеров вызвали в части китайского населения неприязнь, постепенно переросшую в ненависть. В 1900 году эмоции выплеснулись в виде попыток повсеместного истребления европейцев и китайских христиан – «причин» неурожайных лет и «гнева Неба». Протест европейских дипломатов не нашел понимания у китайского правительства, поддерживавшего тайные общества. Более того, действенной стала угроза разгрома дипломатических миссий, для охраны которых были отправлены численно небольшие контингенты с европейских судов, бросивших якорь в Печелийском заливе. В Пекине началась осада Посольского квартала, шедший на поддержку международный контингент под командованием британского вице-адмирала Сеймура был блокирован по пути, попали в осаду международные силы в Тяньцзине, а форты Таку отказались пропустить европейские суда. Так начались боевые действия.

Первоначальной задачей русских войск (после взятия Таку) было закрепление за собой Тяньцзиня, чтобы превратить его в основную базу для движения на Пекин. Огонь, открытый китайскими батареями по судам европейских держав, и последовавшее вскоре объявление Китаем войны международной коалиции (то есть поддержка повстанцев официальными китайскими властями) развязывали руки союзникам. Шапкозакидательская политика китайских властей привела к столкновению с «единым фронтом» 8 мировых держав: Германии, Великобритании, России, Франции, Австро-Венгрии, Италии, США и Японии. Самым крупным был контингент Страны восходящего солнца.

М. М. Иванов, как другие офицеры и нижние чины русских частей, расквартированных в Квантунской области, действовал в Южной Манчжурии, где находился один из главных очагов Боксерского восстания и где действия восставших были поддержаны частями регулярной китайской армии, получившими приказ из Пекина овладеть ЮМЖД, что им в значительной степени удалось. Город и порт Инкоу превратился в один из центров повстанческой пропаганды. Войска Южно-Маньчжурского отряда продвинулись, занимая железнодорожную ветку на Инкоу, и взяли город, бывший в то время одним из основных складов материалов для строительства КВЖД. Впоследствии отряд выдвинулся на север и занял Мукден, соединившись с Северо-Маньчжурским отрядом генерала П. К. Ренненкампа. Сам автор до середины 1902 года «застрял» в городке Фын-хуан-чен, к востоку от Ляояна.

Переведенный вместе с полком в Порт-Артур, М. М. Иванов стал вхож в дом генерала А. М. Стесселя, чья супруга увлекалась любительскими театральными постановками, стараясь привлечь к этому и офицеров гарнизона крепости. Знакомство с генералом А. М. Стесселем оставило у Михаила Михайловича самые лучшие воспоминания о нем как об офицере и начальнике. Не изменил этого восторженного восприятия даже приговор Верховного военно-уголовного суда, подтвержденный государем императором 4 февраля 1908 года, согласно которому бывший начальник Квантунского укрепленного района и главный начальник войск в Порт-Артуре «сдал крепость японцам, не употребив всех средств к дальнейшей ее обороне».

Правда, петли, положенной Анатолию Михайловичу «по букве закона», ему удалось избежать.

После недолгих лет мира грянула Русско-японская война 1904–1905 годов. В начале войны гарнизон крепости сильно обновился: многие части (в том числе и полк автора – 11-й Восточно-Сибирский стрелковый) «вышли в поле», покинув Артурские позиции. По мнению автора, это было серьезной ошибкой русского командования: убрать из крепости войска, которые прекрасно изучили крепостной район и его укрепления, сменив их свежими частями, для которых все было в новинку. Заметим, что ровно ту же ошибку совершило русское командование и в ходе Первой мировой войны: еще в 1910 году были ликвидированы полки и батальоны крепостной пехоты, а в ходе самой войны для полевых действий были выведены полки, сто-

явшие в крепостях, заменявшиеся подчас третьесортными формированиями (ополченскими дружинами). Возможно, отчасти из-за этого русский фронт Первой мировой войны не дал ни своего Вердена, ни подобия порт-артурской эпопеи.

Михаилу Михайловичу Иванову война с Японией принесла славу и награды. Самую почетную воинскую награду Российской империи – орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия он заработал еще в самом начале боевых действий на суше – за Тюрненский бой 18 апреля 1904 года. Рота под командованием капитана М. М. Иванова прикрыла отход полка, помогла ему и соседним частям дивизии вырваться из окружения и спасти знамена. О напряженности боя свидетельствуют цифры: из 156 стрелков роты, вступивших в бой, целыми из него вышли 15, включая командира. Полковой священник, о. Стефан (Щербаковский), шедший впереди цепей, получил два ранения и стал пятым православным священником, удостоившимся награждения орденом Св. Георгия (всего подобных награждений к 1917 году насчитывалось менее двух десятков). После поступления в Санкт-Петербургскую духовную семинарию о. Стефан служил полковым священником в частях гвардии, с Кавалергардским полком участвовал в походах Великой войны и был убит в 1918 году чекистами в Одессе.

В воспоминаниях М. М. Иванова прекрасно отражена «отрядомания» как стиль управления в бою старших русских начальников того периода (в первую очередь, А. Н. Куропаткина): когда по разным боевым участкам раздергивались не только дивизии, но и полки, батальоны и роты. Удобству управления частями такое «оперативное искусство», конечно, не способствовало.

Заслуженный в Тюрненском бою авторитет М. М. Иванова признавался начальством, новый командир полка полковник В. А. Яблочкин (сменивший убитого под Тюрненом полковника Н. А. Лайминга) старался отправлять вновь прибывающих офицеров в его роту, чтобы под началом опытного строевого и боевого командира приехавшие из Европейской России необстрелянные офицеры могли осмотреться и втянуться в боевую работу. Особенно доверительные отношения сложились у М. М. Иванова с князем А. В. Барятинским.

Тяжело представить двух более различающихся по большинству формальных признаков людей: солдатский сын, получивший «на медные деньги» не лучшее образование и воспитание, сдружился с отпрыском одной из самых богатых семей Российской империи, сыном генерала от инфантерии, получившим образование в Пажеском корпусе – самом привилегированном военно-учебном заведении. Князь Анатолий Владимирович Барятинский начал офицерскую службу в лейб-гвардии 4-м стрелковом Императорской Фамилии батальоне, которым ранее командовал его отец. Еще в чине поручика он зачисляется в Свиту, становится флигель-адъютантом. Успешную и даже блестящую карьеру прервал выход в отставку в 1901 году из-за расстроившегося здоровья. После начала Русско-японской войны он возвращается на службу и отправляется на театр военных действий, в 11-й Восточно-Сибирский стрелковый полк, где и встречается с автором воспоминаний, назначенный младшим офицером в его роту. Любопытный момент: командир роты и его младший офицер оказались в одном чине капитана – вероятно, в полку опасались сразу дать в командование роту незнакомому офицеру, прибывшему из отставки. Но вскоре М. М. Иванов и князь А. В. Барятинский командовали соседними ротами – 8-й и 9-й соответственно. В дальнейшем М. М. Иванов всегда встречал самый теплый прием и уважение у своего нового сослуживца и членов его семьи, о чем он с благодарностью вспоминает на страницах своих мемуаров.

Подвиги не только отдельных чинов, но и всего полка не были забыты: 11-й Восточно-Сибирский стрелковый полк в награду получил Георгиевское знамя с надписью «За Тюрнен 17–18 апреля, Ляоян 15–17 августа 1904 года и за Февральские бои 1905 года» (Высочайший приказ от 17 декабря 1906 года) и шефство вдовствующей императрицы Марии Феодоровны (Высочайший приказ от 22 июля 1907 года). Последний факт М. М. Иванов по ошибке припи-

сал к отличиям за подавление Владивостокского вооруженного восстания 16–17 октября 1907 года. Как видим, дарование шефства почти на целый квартал опередило восстание.

Окончание Русско-японской войны 1904–1905 годов дало определенный толчок служебной карьере М. М. Иванова: наконец он занял определенное положение в обществе и проявил себя не только хорошим строевым офицером, но и начальником, способным обустроить жизнь в под ведомственным ему районе. Немало этому поспособствовал перевод дивизии после поражения в Русско-японской войне в г. Владивосток, который не раз в эти годы переводился на военное положение и усиленную охрану. Последние мероприятия передавали значительную часть полномочий гражданских властей в руки военных. Правда, судя по описанию, Михаил Михайлович позволял себе то, что при ином ходе событий могло бы быть истолковано как превышение полномочий.

Также упоминает автор и о своих детективных способностях. Вряд ли он привлекался к расследованию уголовных дел, о чем пишет, тем более что с «поручающими» возникла явная путаница. Здесь ситуация достаточно хорошо известна, поэтому-то и можно говорить об ошибке автора. Во-первых, во Владивостоке не было генерал-губернатора, генерал В. Е. Флуг был назначен на должность военного губернатора Приморской области еще в сентябре 1905 года, свидетелем чего М. М. Иванов быть не мог. Во-вторых, генерал В. Е. Флуг сменил на этой должности генерала А. М. Колюбакина (а не некоего «генерал-губернатора Андреева»). Нет людей со схожей фамилией и среди заведовавших в эти годы гражданской частью вице-губернаторов Приморской области. В-третьих, существовало Приамурское генерал-губернаторство, в состав которого входила и Приморская область, но все приамурские генерал-губернаторы известны, и Андреева среди них нет. В описываемый период пост Приамурского генерал-губернатора занимал генерал П. Ф. Унтербергер (с 18 ноября 1905 по 6 декабря 1910 года), сменил которого первый и последний гражданский генерал-губернатор Приамурья Н. Л. Гондатти. Предположение же о том, что расследования поручались подполковнику М. М. Иванову «через голову начальства» генералом М. С. Андреевым, помощником командующего войсками Приамурского военного округа и наказным атаманом приамурских казачьих войск, либо же заведующим военно-судной частью при главном начальнике тыла войск на Дальнем Востоке полковником А. П. Андреевым, вряд ли можно считать оправданным. По крайней мере, никто из этих Андреевых генерал-губернатором не был.

Во Владивостоке М. М. Иванов наконец смог зажить «в свое удовольствие». Жалованье позволяло, и читатель может подробно ознакомиться как с кулинарными, так и с культурными пристрастиями автора.

В ходе своей службы строевой офицер М. М. Иванов не раз сталкивался с представителями корпуса офицеров Генерального штаба. И почти неизменно это приводило к конфликтным ситуациям. Некоторая часть офицеров, закончивших Николаевскую академию Генерального штаба, полагала себя носителями знаний, недоступных «простым смертным». Это высокомерие заслужило им в строевых частях прозвище «моменты». В идеале офицер-генштабист должен был чередовать службу в штабах со строевой. Офицеры Генерального штаба имели свою линию производства и занимали строевые должности, нередко «седлая» строевое офицерство и значительно опережая его в карьерном росте, получении должностей, чинов и орденов. Часто это порождало зависть и практически всегда – некоторое недовольство со стороны подчиненных. Причиной тому, помимо прочего, были и часто встречающаяся оторванность генштабистов от строевой службы, плохое ее знание, а также – краткий срок. Как правило, полки получались для «цензового командования», и кратковременное «командирство» было лишь необходимой ступенькой для последующей успешной военной карьеры. Сживаться с новой частью, знать и чтить ее традиции, налаживать отношения с офицерским составом «варяги» обычно были не склонны.

Михаил Михайлович, безусловно, должен был также чувствовать некоторую разницу в культурном уровне со своими «штабными недругами», свидетельство чему – его излишне обостренные реакции на замечания с их стороны, тем более несправедливые. И, опять же, поиск «простых ответов на сложные вопросы».

К примеру, при описании своего столкновения с начальником 3-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии генерал-лейтенантом В. А. Ольшевским и и. д. начальника штаба дивизии полковником К. Г. Гиршфельдом, «оттоптавшись» по «моментам» на примере своего полкового командира полковника И. З. Одишелидзе, М. М. Иванов дает выплеск своему юдофобству, применяя определение «жидовский выродок». Оставим в стороне сложившиеся после революции и Гражданской войны воззрения М. М. Иванова и его эмоциональность, попробовав осветить затронутую им тему.

Какова доля истины в этих словах? Фамилия «Гиршфельд» вполне может иметь как еврейское, так и немецкое происхождение. Константин Григорьевич Гиршфельд был православного вероисповедания и происходил из почетных граждан г. Санкт-Петербурга. Производство в офицеры лиц иудейского вероисповедания было запрещено законом. За Русско-японскую войну, во время которой подполковник К. Г. Гиршфельд пребывал в той же (кстати, «полковничьей») должности и. д. начальника штаба 3-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии (в которую входил полк М. М. Иванова), он удостоился Золотого оружия с надписью «За храбрость» (с 1913 оно станет Георгиевским оружием), орденов Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом, Св. Станислава 2-й ст. с мечами, Св. Анны 2-й ст. с мечами, Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом. Все ордена боевые. Вряд ли начальник штаба дивизии был таким невеждой, как это пытается показать автор воспоминаний. К тому же, с 1912 года его служба протекала исключительно на строевых, а не штабных должностях, а до этого – на штабных должностях в войсках, а не в главных управлениях. Воспитанник 3-го Московского кадетского корпуса и 3-го военного Александровского училища, окончивший Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду, временно командующий 111-й пехотной дивизией генерал-майор Константин Григорьевич Гиршфельд был убит после издевательств и глумлений взбунтовавшимися солдатами-гражданами «армии свободной России» 25 августа 1917 года.

Следует заметить, что в своем юдофобстве автор непоследователен: он вольготно чувствует себя в «сомнительном» окружении, а оказавшись в Харбине, начинает хлопотать перед Верховным правителем о Георгиевском кресте 4-й степени за Тюренченский бой в 1904 году. По словам автора, ему удастся «выбить» спустя 15 лет награду для «бывшего моего солдата 8-й роты», чем тот «очень горд». Помимо этого, боевой генерал фактически жил у своего бывшего подчиненного, а ныне «миллионера и владельца гостиницы „Модерн“», вследствие чего можно по-иному взглянуть на авторские слова о «проклятых жидах». Поселившийся в 1906 году в Харбине Иосиф Александрович Каспе был иудейского вероисповедания, о чем не мог не знать бывший командир роты. Начав с часовой лавки, при помощи скупки и перепродажи вещей и ростовщичества, он преобразил ее в ювелирный магазин, постепенно став владельцем фешенебельного отеля «Модерн» и одним из богатейших людей Харбина. Может быть, их сблизил любовь к театру? В 1920-е годы И. А. Каспе стал председателем акционерного общества, объединившего несколько театров, переписанных при начале японской оккупации на принявших французское гражданство сыновей. Трагическая история сына – Семена Иосифовича Каспе, похищенного в 1933 году ради выкупа и убитого не получившими его членами Русской фашистской партии, стала широко известна и приподняла завесу над происхождением миллионов отца: в 1920-е годы именно через него сбывались советскими властями драгоценности, изымаемые у «бывших людей». Более того, советский генконсул в Харбине М. М. Славуцкий в телеграмме в Москву в НКВД называет миллионера «нашим агентом», а его погибшего сына – членом иностранной компартии. Таким образом, можно сделать вывод, что Михаил

Михайлович на самом деле совсем не антисемит, каким хочет казаться со страниц своих мемуаров.

Последний русский комендант Харбина скончался 6 ноября 1935 года, вскоре после того, как «персональной читательнице», дочери Ольге, исполнилось 18 лет.

Текст мемуаров представляет собой авторизованную машинопись с многочисленными вклейками фотографий. Написанный в ноябре 1919 года текст, вероятно, в 1921 году был набран на печатной машинке и несколько раз вычитывался и дополнялся (по крайней мере, в 1922, 1926 и 1930 годах). При публикации были исправлены явные опечатки, в значительной степени раскрыты сокращения, курсивом выделен текст, подчеркнутый автором в оригинале рукописи.

А. В. Марьяняк

Воспоминания генерала Российской армии. 1861–1919

Предисловие автора

Пишу автобиографию не для широкого оповещения, только для моей дорогой дочурки Олюшки, чтобы знала о том, что был ее отец: какого был он рода-племени, как рос, как воспитывался и учился, как служил Богу, императору и своему Отечеству, почему не оставил ей богатства, а жил и умер нищим...

Да простит мне читальница, а может быть и читатели, мои орфографические и грамматические ошибки и промахи, так как это произведение печаталось прямо на машинке, как изливает свою мысль-фантазию музыкант на рояле или пианино... И у него, бесспорно, являются ошибки, но, в общем, в его исполнении слышна душа... Вот так и у меня – нет литературной обработки писателя, но душа есть.

Разумеется, многое пропущено, многое можно было развить, но боялся сойти с моей большой дороги и заплутаться в дебрях прошлого. Описание событий, мною виденных, и характеристика лиц, мною встречаемых в жизни, могли бы занять целые тома, но я не историк и не писатель – я только повествователь о себе своей шалунье Олюшке.

Не буду греха таить, оставшись «не у дел» и прожив 60 лет, захотелось вспомнить прошлое: что прошло, то мило. Смотря на теперешний ад, видя гибель своего Отечества, хвататься за прошлое – за успокаивающий бальзам.

Великая трагедия души патриота, выдавшего все величие, силу и славу своего Отечества, видеть теперь весь позор и унижения, порабощения и презрения... но верую и исповедаю, что моя Олюшка увидит нашу Матушку-Русь и сильной, и славной, и страшной врагам. Аминь.

1/14 июня 1921 года

Харбин

Разъезжая улица, дом № 693/6

Автобиография генерал-майора Михаила Михайловича Иванова

Отец мой, Михаил Семенович Иванов – сын унтер-офицера лейб-гвардии Семеновского полка¹, родился в г. Угличе в 1820 году. Мать моя, Марья Ивановна Ширяева – дочь унтер-офицера Бородинского пехотного полка², родилась в г. Козлове в 1826 году.

Значит, я чистокровный и потомственный солдатский сын.

1861

Как мне передавали мои родители, я родился *22 сентября 1861 года*, в г. Костроме, на Дебре³. Крестным отцом у меня был писарь управления водной дистанции Виктор Мартынович Греченков. Крестную мать не знаю. Крестили меня в церкви Вознесения Господня, что на берегу Волги.

Из времени моего раннего детства, т. е. до 1870 года, я смутно помню, как брат Александр завел меня в новых козловых, с красными сафьяновыми отворотами, сапожках в пруд, помню шум винокуренного завода, где отец служил. Помню громадное наводнение в г. Ярославле в 1868 году, мы жили за р. Которослью в военной школе, переименованной впоследствии в Военную прогимназию⁴. Брат Александр учился там же и вышел юнкером в 137-й пехотный Нежинский полк⁵.

1870

В 1870 году меня отдали учиться грамоте старой деве, некоей Потехиной, но вскоре передали старому николаевскому унтер-офицеру Сидорову, который засадил меня за Псалтирь и жестоко бил линейкой. Осенью я поступил вольноприходящим⁶ в 1-й класс Военной прогим-

¹ Лейб-гвардии Семеновский полк. Старшинство – с 23 мая 1683 года. Полковой праздник – 21 ноября (введение во храм Пресвятой Богородицы).

² Бородинский пехотный полк был сформирован 11 марта 1813 года. Старшинство – с 29 ноября 1796 года от Московского гарнизонного полка.

³ Имеется в виду улица Нижняя Дебря – одна из древних улиц Костромы, в конце XIX века ее официальное название – Нижняя Набережная улица. Дебря – заросшая лесом низина, чаща. (*Здесь и далее – примеч. ред.*)

⁴ Военные прогимназии – низшие общеобразовательные учебно-воспитательные учреждения, подчинявшиеся военному ведомству. Как и гражданские прогимназии, подчинявшиеся Министерству народного просвещения, давали образование в объеме курса уездных училищ или 4-х младших классов реальных училищ, но без языков. Выпускники военных прогимназий предназначались для пополнения юнкерских училищ. Ярославская военная прогимназия образована в 1868 году среди первых на базе военно-начальной школы. Число воспитанников в описываемое время – 400 человек. В 1895 году на основе Ярославской военной школы, в которую была преобразована прогимназия, был открыт Ярославский кадетский корпус.

⁵ 137-й пехотный Нежинский полк. Старшинство с 29 ноября 1796 года. Полковой праздник – 30 августа. Полное наименование с 19 августа 1875 года по 8 марта 1877 года – 137-й пехотный Нежинский Его Императорского Высочества Великого Князя Александра Владимировича полк.

⁶ Абсолютное большинство военно-учебных заведений были интернатного типа, где все содержание воспитанников шло за государственный счет. В некоторых заведениях в описываемое время, помимо «казеннокоштных», допускались и «своекоштные» воспитанники или «приходящие», т. е. жившие дома и являвшиеся только на занятия. Обучение их также было бесплатно, а число определялось по усмотрению директора прогимназии. Для поступления в 1-й класс военной прогимназии подростки 12–14 лет должны были знать главные молитвы, уметь читать и писать по-русски и считать. Фактически директор Ярославской военной прогимназии действовал вопреки закону: Высочайше утвержденное 19 апреля 1869 года Положение о военных прогимназиях строго определяло возраст воспитанников и приходящих учеников – не моложе 12 лет, исключение было установлено для Оренбургской и Сибирской военных прогимназий, куда по усмотрению генерал-губернаторов могли определять и не достигших 12-летнего возраста, «но не ранее десяти лет и только во внимание крайней бедности родителей»

назии, вместе с сыном священника отца Николая Ширияева – Федей Ширияевым, впоследствии профессором Демидовского лицея⁷. Воспитателем нашего класса был Патаржинский. Директором, после генерала Лео, был полковник Боголюбов. Зимой мы ходили на занятия в 8 часов утра и до 2 и с 6 часов вечера до 8-ми. Шалили много, и я проломил себе голову, падая, ударившись об угол стола, знак на лбу остался на всю жизнь. Помню, нам показывали туманные картины, на Рождественских праздниках были концерты и спектакли, помню занавес – вид на Ярославль с Волги. Я много читал и увлекался Майн Ридом и Жюль Верном, любил очень-очень Погосского – плакал над его «Неспособным человеком». Мать моя недурно пела и играла на гитаре, мои любимые песни были «Вот на пути село большое» и «Вечер поздно из лесочка». С весны и до осени мы с матерью часто ходили в лес за цветами, ягодами, грибами и орехами, в порядке их появления: сморчки, черемуха, ландыши, бубенчики, фиалки, земляника, гонобобель⁸, малина, березовики, боровики-подосиновики, белые-коровки, сыроежки, грузди, рыжики, ягоды черемухи и рябины, – и только осенние дожди прекращали наши прогулки. Опять начинались классные занятия, уроки. Моими товарищами были Коля Лео, Федя Ширияев и Митя Коренев, – с ними часто играли в «индейцев». Был отчаянный мальчишка Сенька Караулов, и нам часто доставалось от него.

Из особенностей моего детства помню: если я долго не засыпаю, то мне давали большой медный кран, и я, обняв его, быстро засыпал...

1871

В 1871 году мне исполнилось 10 лет. Увидел в первый раз железную дорогу – Московско-Ярославскую, недавно открытую. По субботам, воскресеньям и в праздники ходил в церковь прогимназии, и меня удостоили подавать кадило, чем я очень гордился. Родители меня брали с собой в Спасский монастырь, где был архиерейский дом с Крестовой церковью. Помню, мы с матерью были там за обедней, служил архиепископ Нил, я стоял у амвона справа. После обедни народ бросился к амвону под благословение владыки, но высокопреосвященнейший Нил быстро сошел с амвона, подошел ко мне, благословил и дал мне в руки просфору со словами: «Хорошо молился». В Толгин день, 8 августа, день явления иконы Божьей Матери – в кедровой роще, на берегу р. Волги при впадении в нее р. Толги в 1314 году, – отец, мать и я отправлялись ранним утром, пешком, за восемь верст к ранней обедне в Толгский монастырь и после обедни на берегу Волги пили чай с медом и калачами, потом шли к поздней обедне и в крестный ход вокруг монастыря. Подкрепившись и отдохнув, возвращались вечером опять пешком домой. Ездили в монастырь и зимой, 21 ноября, в день Храмового праздника, главной церкви монастыря. Все это оставило неизгладимый след на всю жизнь. За малолетством я оставлен в первом классе еще на год.

Старший брат Александр перешел из пехоты в корпус военных топографов и уехал в Харьков. 15 ноября 1871 года родился братишка Николай.

Зимние занятия шли своим чередом. Начались уроки пения и ремесел. Пению обучал воспитатель Макар Никифорович Езерский, как теперь помню, разучивали песенку «Ах ты воля, моя воля, золотая ты моя», и Езерский часто меня бил смычком по голове, и я из-за этой

и опекунов». Но, опять же, речь шла о воспитанниках, а не приходящих учениках. В 1870 году М. М. Иванову исполнилось лишь 9 лет. Согласно «букве закона», он мог быть принят приходящим учеником в Ярославскую военную прогимназию не ранее 1873 года: возраст рассчитывался по числу полных лет на 10 августа приемного года. И это помимо ограничений по происхождению.

⁷ Имеется в виду Демидовский юридический лицей. Основан Павлом Григорьевичем Демидовым в 1803 году. В 1868 году курс был сравнен с курсами юридических факультетов университетов, лицей давал высшее юридическое образование. В 1919 году на его основе создан Ярославский государственный университет.

⁸ Голубика.

«воли» являлся домой с пятнами на лбу – вот тебе и «воля». Ремесла начал изучать со столярного, но, сломав две пилы, был переведен в токарную, где порезал себе руку, и был переведен в переплетную, но и тут неудачно – воспитанник Гринев в драке со мной вымазал мне всю физиономию клеестером... и я окончил курс практических наук. Вообще, я был мальчик не из тихих: или я бил кого, или меня колотили. У воспитанников было много невинных игр, в которых фигурировал жгут из туго свитого мокрого полотенца...

1872

Наступил 1872 год. Помню, на Пасхе весь огромный плац прогимназии покрылся тысячами чаек, и они гуляли более часа. В мае, после экзаменов, начались толпой товарищей экспедиции в Ямской лес на целый день с едой, чаем и с котелком, было очень весело, возвращались домой только к ужину. Летом выучился на р. Которосли плавать. Часто играли в «солдаты» и «войну», которая всегда оканчивалась дракой. Я был полковник. В одной из войн, во время бомбардировки, сыну фельдшера Алеше Федорову проломили кирпичом голову, но его папа его вылечил. В военных играх появились и новые товарищи: Саша Прибылович, Паша Бровин и много других. Не помню, кто-то усмотрел в лавке старого железного лому чугунную пушку, весом около полпуда, я купил, устроили лафет на колесах, началась потеха... Эта пушка через шесть лет опалила мне лицо, и только чудом сохранились глаза. Теперь мы выходили «войском» на Бутырское поле и с отрядом станционных мальчиков имели столкновения. Громадное влияние было чтение. У Федя Ширяева были «История Петра Великого» и «История Наполеона», два громадных тома с множеством рисунков, и я их прочитал три раза от корки до корки⁹. Любил читать «Оборону Севастополя» Погосского¹⁰, написанную особым стилем, и «Чтение для солдат»¹¹, где особенно много писалось о Кавказской войне. Шалость шалостью, а незаметно прививался и воспитывался патриотизм. В этом году много писали и говорили о 200-летию рождения Петра Великого, о торжествах и выставке в Москве.

Не могу забыть о печальном со мной случае в этом году. Хотя мы и мальчишками-сорванцами были, но ухаживали за одногодками-барышнями, особенно помню Марину фон Зигер-Корн, Катю Кореневу, Маню Боголюбову, Сашу Андрееву. Была девочка Катя Зубель, и вот она что-то сказала, а я схватил ветку можжевельника и давай бить по лицу ее: разумеется, сейчас же с жалобой к моему отцу, тот сейчас же призвал меня, и первый его был вопрос: «Чем бил, принеси»... Выйдя на двор, я сообразил, для чего, и нарвал громадный, мягкий букет... лебеды, который и вручил отцу, но он выпорол меня розгами и очень больно. Внушено уважение к женщине. Помню ясный, жаркий летний день, время было послеобеденное; в огороде под громадными тремя тополями собралось много нас, мальчиков и девочек, затеяли хоровод и, взявшись за руки, под песенки «Ах вы, сени, мои сени» и «Чижик, чижик, где ты был», плясали, я уже раньше, после обеда, чувствовал, что-то плохо с желудком, но «общество» и танцы соблазнили меня... песня неслась, хоровод кружился... я увлекся и забылся... и... вдруг моя дама громко, на все «общество», заявила: «От Миши воняет»... Я понял, и почувствовал, и побежал домой. Робко и тихо взошел, окна были завешаны, жара-духота, мать спала-отдыхала на диване, я приблизился к ней и пристально смотрел ей в лицо... Она повела носом, потянула воздух и зашевелилась, я обмер, она раскрыла глаза на меня и спросила: «Что с тобой?» – я молчал, она опять потянула носом, встала, подошла ко мне, нагнулась, посмотрела и вос-

⁹ Вероятно, имеются в виду *Золотов В. А.* История Петра Великого. СПб., 1872; *Верне Г.* История Наполеона. СПб., 1842.

¹⁰ Автора несколько подводит память. Он не мог читать эту книгу в 1871 году, поскольку она вышла только в 1873-м. Имеется в виду *Погосский А. Ф.* Оборона Севастополя. Беседы о войне 1853–1855 гг. для войск и народа. СПб., 1873–1874. Ч. 1–3.

¹¹ Журнал, выходивший с 1842 до 1852 года, с периодичностью 6 номеров в год, затем 12.

кликнула: «Мишка, ты обоссался»... Я тихо прошептал: «Мама, мы танцевали». Вот почему я не любил танцев – они напоминали мне мой «конфуз». Отцу дало начальство прогимназии клочок земли для огорода, насадили картофелю, капусте, луку, моркови, свеклы и сахарного гороху, таскание воды, поливка гряд измучили меня... потом только утешился горохом. Зато осенью у нас были даровые овощи. Я очень любил капустные кочерыжки.

Учебный год я уже начал в 2-м классе, воспитателем был Н. П. Акулов. Осенью этого года я научился кататься на коньках. Любимым местом катанья был большой пруд сзади прогимназии, на огороде Александра Михайловича Колчина. Сам Колчин был ростовский крестьянин, красавец собой, да и его жена, Александра Петровна, была к нему под стать. Мы с отцом бывали у него в гостях. Раз я с Пашей Бровиным катался на этом пруду и гонялись друг за другом. Я улепетывал на коньках от Бровина, но как раз посредине пруда под мой конек попадает примерзший сучок, я спотыкаюсь, падаю, на меня со всего размаха Паша, проламывается лед, и мы погружаемся по горло в воду... еле выбрались на берег – и домой. Мать только ахнула, но отцу не сказала. С меня как с гуся вода.

Из наук учебного года я полюбил географию, которую проходили по Белоху, и естественную историю по Сент-Илеру, из рождественского гуся собрал на проволоочки скелет лапы. Ученые мое шло хорошо – в среднем на 9–10 баллов.

Часто с матерью ходили в гости к тетке Ольге, живущей в собственном домике на Подгорной улице, недалеко от прогимназии. У нее на воспитании были племянница Надя и два племянника Паша и Петя, тоже мальчики не из тихих. Мы часто дрались, всегда двое на одного, попеременно. Им кто-то подарил небольшую лодочку, но ее надо было перегнать с пристани Ветка, ниже Ярославля 6 верст, на р. Которосль к Феодоровской церкви. Мы смастерили мачту с парусом и в один прекрасный день отправились на Ветку, поставили мачту, распустили парус и двинулись к устью р. Которосли, сильный ветер понес нас вверх по течению, и мы попали между барж идущего каравана, как нас не раздавило – удивительно, но все-таки у нас была лодка. Рыбу ловили с плотов, на колодки, шел хорошо окунь. Река Которосль была глубока – бочагами, т. е. ямами, и много летом тонуло в ней неопытных купальщиков. В Ярославль приезжал со своим хором Агренов-Славянский и дал концерт в прогимназии. Я совершенно обезумел от восторга, и последний раз мне его пришлось слышать в Порт-Артуре в 1902 году.

Из начальства военной прогимназии помню генерала Лео, полковников – Боголюбова, Андреева, Кичеева. Майоров – Коренева, Караулова, Борисова. Воспитателей и учителей – Патаржинского, Акулова, Здравеского, Лебедева, Лютомского, Прибыловича, Семенова, Гусева, Андреева, Ряднова, Иванова, Персидского. Священников – отца Андриана, Волкобруна, Тирыева, Ливицкого и отца Смарагда от церкви Иоанна Предтечи. Нашей грозой был вахмистр Ефграф Спиридонович Иванов. Церковным старостой был Иван Никифорович Никифоров – заведующий швальшой.

Здание прогимназии было одноэтажное, в плане – П, каждая сторона была около 100 сажень, все четыре стороны были обсажены большими березами, которым было 50–60 лет, в углах были небольшие рожицы. Летом было очень красиво. По задней четвертой стороне были выстроены три летних барака – это был лагерь. Посредине плаца была громадная гимнастика. Церковь была отдельно, посредине переднего фаса, очень красивая внутри, с колоннами под белый мрамор, иконы и картины были писаны и рисованы генералом Степановым. Помню, над алтарем была надпись: «На Тя Господи уповахом да не постыдимся вовеки». Хор воспитанников очень хорошо пел под управлением Ряднова (брата). Помню Пасхальный концерт (запричастный) «Днесь всяка тварь веселится и радуется»... и мы действительно радовались – по десятку яиц съедали за раз.

1873

Весело прошли Святки: елки, концерты любителей – воспитателей, учителей и воспитанников, спектакли воспитанников. Играли «Ревизора». Встретили дома новый 1873 год кагором, рябиновой и кофе. На праздниках у нас всегда мать пекла пирог, и отец выпивал 2–3 рюмки водки и полрюмки давал выпить мне. Вкусно мать готовила кушанья: щи, борщ, лапшу, суп из кореньев, студень, лапшевник, картофельник, а жареные грибы в сметане – пальчики оближешь... Любил я пироги со свежей капустой, с молоками рыбьими и ботвинью с соленой севрюгой. Все было дешево: говядина – 7–8 коп. фунт, масло топленое – 15 коп. фунт, яйца – 5–6 коп. десяток, и так все. Мать летом наварит разного варенья, намаринует и насолит грибов, а особенно рыжиков... Ели так, что потом всю жизнь я не ел.

Прошла Пасха, хорошо сошли экзамены, и опять лето красное – тоже гулянье, игры и потехи. В окрестностях Ярославля, а именно у нас за Которослью – около Туговой горы, Бутырок, селе Крест, селе Лучинского, – были маневры. Разумеется, без нас не обошлось, и, вертясь между частями, я чуть не был раздавлен выезжающей на позицию карьером батареей 35-й артиллерийской бригады. Все было хорошо, но отцу вздумалось переменить службу, и он согласился на предложение главного управляющего имениями княгини Трубецкой, отставного полковника Эмилия Августавовича Гребнера, поступить к нему в контору в Москве. Вот тут-то и началось наше горе.

В середине августа начинались классные занятия. Я был переведен в 3-й класс, но я, вследствие отъезда в Москву, уже не пошел на занятия... остался как бы «не у дел», как было горько на душе, и больно, и досадно. Впоследствии в жизни мне пришлось два раза оставаться «не у дел», и всякий раз пришлось испытывать горечь-досаду и вспоминать данный случай. Распродав кое-что, в начале сентября мы поехали по железной дороге в Матушку Москву. Почему-то мне лезла в голову пословица: «Город Москва бьет с носка». Вид и шум Москвы ошеломили меня. Контора и наша квартира помещались в собственном доме Э. А. Гребнера у Смоленского бульвара и Плющихи, в Малом Трубном переулке, в приходе церкви Неопалимой Купины. Квартира состояла из трех маленьких комнат в третьем этаже, рядом с конторой и окнами во двор, и небольшой садик – взгрустнулось и по огромному плацу, по Бутырскому полю, и по Ямскому лесу... В первое же воскресенье отец повел меня в Кремль, зная уже русскую историю, я быстро разобрался в Кремлевских соборах и дворцах, но, смотря на колокольню Ивана Великого, не мог не вспомнить наших дураков-пошехонцев, с которых «будочник» взял взятку за то, что те считали ворон на Иване Великом. Поразил меня внутренний вид соборов и понравился круглый образ на паперти Чудова Монастыря: слева смотришь – Бог Отец, справа смотришь – Бог Сын, а прямо – Дух Святой. Удивился величине Царь-колокола и Царь-пушки, но, узнав, что из последней стрелять нельзя, то разочаровался. Увидав пушки-трофеи 1812 года, замечтался: вот бы хорошо одну маленькую пушечку в Ярославль для нашего войска. Были и молились у Иверской и Пантелеймона на Никольской. Таким образом, то с отцом, то с матерью я ознакомился с Москвой.

Э. А. Гребнер представлял из себя тип штабного аккуратного офицера-немца на русской службе. Жена его, Эмилия Карловна, была маленькая надутая немка, и притом очень злая. Дети их: Эмилия – 15 лет, Катерина – 13 лет, Константин – 12 лет, Георгий (Жорж) – 10 лет и Варвара – 8 лет. Катерина, здоровая, краснощекая девица, все свободное время подметала метлой весь двор и садик, а остальные дети были бледные и чахлые. Ко мне все относились ласково и внимательно, особенно я дружил с Костей. Дом был обставлен богато и оригинально: в зале стояла белого мрамора статуя сидящей девушки с букетиком цветов в руках, в кабинете на стене были развешаны рыцарское вооружение и доспехи, была большая коллекция яиц. Жили в довольстве, но не открыто – Гребнер всех и вся ругал.

Время шло, а я не учился. Отец обошел много училищ – все было переполнено, в других требовалась крупная плата за ученье, и я вместо ученья ездил на рысаках за гребенятами на Поварскую.

1874

Пришло Рождество, но скучное: ни елки, ни удовольствий... вспомнился Ярославль и прогимназия. Только и было интересного – это водоосвящение 6 января, особенно мне понравилась стрельба пушек с Тайницкой башни.

Брат Александр был переведен из Харькова в Москву в штаб округа. Братишка Николка рос и был здоровый мальчишка.

Гребнер моего отца совсем оседлал: днем посылал по складам и конторам, а по ночам должен вести конторские книги, не стало и праздников – как праздник, так поручение, и отец вспомнил Ярославскую прогимназию... Настал май, и Гребнер с семьей уехал в свое имение – село Костино Ковровского уезда Владимирской губернии. Я часто ездил за братом Александром в Ходынский лагерь, в штаб округа, в Малую Всесвятскую рощу. Ездил на рысаке Карабинере с кучером Перфильем, и раз, едучи уже с братом из лагеря домой по Ходынскому полю, попали под холостой орудийный выстрел, и наш Карабинер понес воню, только благодаря кучеру он нас не разбил. Перфильем направил на пески, что около Ваганьковского кладбища, чем и укротил коня. В одно прекрасное утро вдруг со двора пропадает четырехлетний братишка Коля, сбились с ног искавши, искали и на Плющихе, и по всем переулкам, дали знать полиции, мать и отец в отчаянии, время близилось к вечеру, мать в слезах... Вдруг видим – наш дворник ведет нашего Николу, нашел его на Зубовском бульваре, спокойно играющим в песке. Через 32 года он был приставом 2-го участка Арбатской части¹²... Перст providения¹³...

Отец получал жалованья 40 руб. в месяц, и по московским ценам нам еле хватало, цены на жизненные продукты, сравнительно с ярославскими, стояли высокие. Особенно мне были смешны маленькие молочные кувшинчики на высоком дамском каблучке против нашей ярославской огромной крынки, а цена была та же – 5 коп. Отец иногда брал меня с собой на лесные склады, около Нижегородской станции железной дороги, и, ехавши обратно, заезжали в Сундучный ряд Гостиного двора и обедались пирожками с бульоном. Кончалось лето, приехал Гребнер с семьей, и еще хуже и труднее [стало] отцу. Был ровно год, как приехали мы в Москву... терпение отца истощалось. На Софийской набережной за Чугунным мостом держал большое переплетное дело бывший мой учитель переплетного искусства, при котором мне намазали клейстером физиономию, Кирилл Васильевич Калачов, с ним-то и делился отец своим горем. Однажды, приехавши от него, переговорив с матерью, решил отказаться от места у Гребнера и ехать обратно в Ярославль. Несколько дней сбора, и в одно тоскливое, ненастное, сентябрьское утро со двора выехали две подводы со скарбом, а за ними плелись отец, мать с братишкой и я, таща что-то в руках. Сыпал мелкий холодный дождик. Подводы выехали на Смоленский бульвар, повернули налево и поехали вдоль бульваров: Смоленского, Новинского, по Кудринской, Большой Садовой, Триумфальной Садовой, мимо Сухаревой, по Спасской и на товарную станцию Московско-Ярославской железной дороги. Как теперь смотрю, тащимся мы по грязи, под дождиком, а силуэт Сухаревой башни высится перед глазами сквозь сито дождя, и холодно, и тоскливо на душе... Только поздно вечером в вагоне обогрелись мы и заснули.

¹² В административном плане с 1881 года Москва делилась на полицейские участки во главе с полицейскими приставами. К 1917 году – 48 участков (из них 7 – в пригородах).

¹³ Вероятно, автор иронизирует по поводу «тяги» брата ближе к центру города, «по другую сторону» Садового кольца, так как 2-й участок Арбатской части, где служил затем участковым приставом Н. М. Иванов, располагался между Садовым и Бульварным кольцами и между Малой Бронной и Малой Дмитровкой. От дома в Большом Трубном переулке до него было ближе, чем с Зубовского бульвара.

Ночью во сне слышались звонки и выкрики: Мытищи, Хотьково, Троица-Сергиево, Итларь... Проснулся ранним утром на станции Семибратово и скоро сквозь осенний туман первый увидел шпиц Церкви Петра и Павла, что у фабрики Корзинкиных. На вокзале нас встретила тетка Ольга, и мы пошли прямо к ней... Сердце радостно забилося, когда я увидел прогимназию, но она показалась мне низенькой.

Мы поместились в одной маленькой комнатке. У отца в наличности было скопленных по грошам около 300 руб., и этим капиталом тетка Ольга подбила-уговорила отца строить домишко – свое гнездо. Землю, 100 квадратных сажень, в долгосрочную аренду на Туговой горе давало крестьян Ямской подгородной слободы за 10 руб. арендных в год. Лесной материал – бревна, доски, брусья – давал купец Голодухин в долг. В конце сентября началась постройка, а в начале ноября мы перешли в «собственный» дом. В новом доме было и холодно, и сыро. Во время постройки дома я, бегая около постройки, на дороге, около колеи, нашел два медных екатерининских пятака, и у меня разыгралась фантазия о кладе, живо взял лопату и давай ковырять землю на месте находы пятаков, и вдруг лопата стукнулась о что-то твердое – котел с деньгами, блеснула у меня мысль, и я быстро отошел от этого места, побежал к отцу и тайно рассказал о «кладе». Поздно ночью я уже спал, как отец разбудил меня и давай ругать – он вырыл огромный камень... но пятаки долго хранились у нас. Рассчитавшись с плотниками и печниками, отец остался без гроша, мест нигде не было, вот тут-то и началась нужда: о мясе и забыли, булочка – только изредка по праздникам, да и то черствая, она дешевле на три копейки, а если мать на стол поставит картофельный суп с яичной подправкой, то и слава Богу. Что было хорошо у нас, так это ржаной хлеб из свежей муки, ветряные мельницы были от нас недалеко. Теперь нам было большим наслаждением поест «сочней» из ржаной муки: делалось тесто пресное на воде, из теста катались тонкие лепешки, делалась начинка из творога, яиц и растопленного масла, все это тщательно растиралось, и начинка готова. Начинку накладывали на лепешку, лепешку складывали пополам, край «засучивали» – и на сковородку в печь, как блины; горячий «сочень», политый горячим маслом, – одно объеденье.

Несмотря на просьбы отца, обратно в прогимназию меня не приняли, и только по доброте инспектора классов, вновь учрежденного из уездного училища городского училища, Петра Николаевича Лебедева, я был принят в это училище в старшее отделение 2-го класса¹⁴, где встретился с бывшими прогимназистами Шавлинским и Варницким. Городское училище помещалось в бывшем доме ссыльного в Ярославль Бирона, на берегу Волги, рядом с губернаторским домом. Дом был очень хорошо приспособлен, классы были высокие и просторные. Мне каждый день приходилось бегать от прогимназии до городского училища, в оба конца – пять верст. Наше отделение вел учитель Антушев, но в конце учебного года был арестован как революционер, судим и был сослан в Сибирь. Теперь я увлекся русской историей, прочитал всего Карамзина, Костомарова и запоем читал исторические романы, журналы «Русский архив», «Русскую старину» и «Исторический вестник». Изучил истории городов Ярославля, Углича и Ростова и всего Ярославского края – знал все исторические места, мне всякое место говорило само о себе.

1875

Трудно было отцу: без денег и места, начали продавать, что было возможно. Тоскливо и грустно встретили Рождество и Новый 1875 год. Наконец в начале марта отцу удалось получить место конторщика в конторе управляющего имениями графа Шереметева в селе Новом, Угличского уезда, куда отец и уехал, а мать подыскала постояльцев – немца Карла Егоровича

¹⁴ Городские училища – общеобразовательные учебные заведения, предназначавшиеся, прежде всего, для бедного городского населения. Создавались по Положению, высочайше утвержденному 31 мая 1872 года.

Шульца, и оставила у него меня в качестве нахлебника, а сама уехала к отцу в село Новое. Семья Шульц состояла: жена – Мина Васильевна, дочь – Эмилия, 10 лет, другая дочь – Эмма, 6 лет, и сын – Рихарт¹⁵, 5 лет. Жилось у них мне хорошо – кормили вкусно и сытно. После экзаменов, в конце мая, мать пешком пришла за мной. Дня через три ранним утром мы с матерью, с котомками за плечами, с палками в руках, вышли из дома и направились через мост, что у Церкви Иоанна Предтечи, вышли на Угличскую дорогу, мимо Леонтьевского кладбища, и по утреннему холодку побрели. Надо было пройти до села Нового 67 верст. Мало-помалу ноги разошлись, и в полдень мы пили чай в трактире, что у д. Игриши, пройдя 30 верст. Красивы наши большие трактовые дороги, обсаженные березами, в виде двух аллей. Как ни трудно, а в 10 часов вечера мы были в селе Новом. Дня три я отдыхал и не выходил из дому. Лето я провел хорошо: часто ходили в еловый лес за белыми грибами и засушили их очень много, в р. Юхоть ловили голавлей и пескарей, купались, шалили и не видели, как подошло время возвращаться в Ярославль учиться. После Преображенья отец нас с матерью отправил уже на лошадях троечника Ворочаева. К. Е. Шульц заявил, что переезжает на другую квартиру, и матери пришлось подыскивать новых квартирантов. Тетка Ольга живо нашла – Михаила Михайловича Галицкого, начальника разъезда Ветка, отставного поручика Ахтырского гусарского полка¹⁶, жену его Ольгу Ивановну; были люди хорошие, добрые, но безалаберные и легкомысленные... часто не бывали дома, и я оставался дома один, было страшновато сидеть одному дома на краю города. Сам Галицкий сильно пил. Пока полученное жалованье еще на руках – ели хорошо, прошло дней 10–15, деньги прошли, смотришь – и сидишь на одном чайке. Приехал в октябре отец, и я у него выпросил купить мне ружье. Отец купил мне одностволку за пять руб., я был в восторге. М. М. Галицкий подарил мне пороху, дробь и пистонов и учил стрельбе в дверь овина соседа нашего, крестьянина Петунина. Теперь, когда я оставался дома один, то заряжал ружье и ждал только нападения... но нападения ни разу не было. С Галицким ездил на Ветку, где и стрелял ворон, галок и сорок. На паровозе, работающем на Ветке, ездил машинистом старик-француз Рурк, живущий на квартире у тетки Ольги, он меня называл «молодой Жерар, охотник на львов»¹⁷. Он научил меня управлять паровозом, и я под его наблюдением вел поезд с Ветки на станцию Ярославль, что доставляло мне огромное удовольствие.

Будучи на Ветке, я заинтересовался работой телеграфа, и мне сделали ключ, жена Галицкого была телеграфистка – выучила меня выбивать азбуку Морзе. Из зимних удовольствий теперь у меня были хождение на лыжах и катание с горы на «лотке». Классные успехи мои были хороши. Я продолжал историческое чтение и имел по истории круглое 5. Очень нравилась система преподавания географии: с параллельным вычерчиванием плана и карты, начиная с плана класса, города и карты губернии, Европейской России, Европы, Азии и так далее, все это сказалось впоследствии на военной топографии. На Рождественские праздники я поехал в село Новое на тройке Ворочаева, но внутри возка я не мог сидеть – у меня кружилась голова и тошнило, так что я всю дорогу просидел с ямщиком на облучке «в тулупе, в красном кушачке». Рождество провели по-деревенски, ходил славить, на посиделки и только – скучно.

1876

Встретили *1876 год* тихим сном под треск мороза. В Богоявление, при погружении креста, стреляли из пушек, дарованных Петром Великим графу Шереметеву за Полтавский бой.

¹⁵ Вероятно, Рихард.

¹⁶ Ахтырский гусарский полк. Старшинство – с 27 июня 1651 года (от Ахтырского слободского казачьего полка). Полковой праздник – 2 июля. Полное название в описываемый период: 12-й гусарский Ахтырский Его Королевского Высочества Принца Фридриха-Карла Прусского полк (с 25 марта 1864 по 18 августа 1882).

¹⁷ Отсылка к популярным книгам известного французского охотника на львов Сесилия-Жюль-Базилия Жерара (1817–1864).

К пасхе отец и мать с братишкой Николой приехали в Ярославль домой, и отец поступил опять в канцелярию военной прогимназии. Галицкие от нас съехали на казенную квартиру на станцию. Одну комнату сдали двум студентам, они и столовались у нас, один из них проверял меня в подготовке уроков. Экзамены у меня сошли отлично, и я перешел в старшее отделение III класса, т. е. последнее¹⁸. С Петрова дня я начал охотиться по-настоящему за утками, кликами и в сентябре за жирными дроздами. Теперь все интересовались и волновались по поводу восстания в Боснии и Герцеговине и войной Черногории с Турцией¹⁹, я даже купил карту Балканского полуострова и следил за ходом дела по телеграммам, которые вывешивали у подъезда Земской Управы. Имя генерала Черняева²⁰ загремело, добровольцев провожали с благословениями и слезами в Ярославль, начали строить новый железный мост через р. Которосль вместо старого деревянного Американского моста, сделан был обходный, плавучий мост. Ежедневно проходя мимо постройки нового моста, я наслушался пения нашей русской «Дубинушки», залихватские, нецензурные куплеты запевал высоким звонким тенором молодец-запевала и ему отвечал могучий хор в 100–200 человек, не уступающий в мелодичности хору Славянского. Глухо и тяжело бухала чугунная баба по свае...

В октябре месяце была объявлена мобилизация, и полки 35-й пехотной дивизии спешно стали готовиться, призывался запас армии²¹. Из Ярославля выступал на юг России 137-й пехотный Нежинский полк, а через Ярославль из Костромы проходил 140-й пехотный Зарайский полк²².

Как теперь, смотрю на подъем громадных транспортных повозок по аппарели²³ с плавучего моста на дамбу-шоссе. При прохождении частей Зарайского полка к нам поставили трех солдатиков, разумеется, мы их приняли, обогрели, накормили, напоили. Они у нас прожили три дня. Мать на дорогу им напекла колобков с яйцами, дала чаю, сахару и, кроме того, по оловянной ложке. Расставались со слезами. Через восемь лет я был уже офицером, к нам зашел торговец-разносчик «красным» товаром, который оказался один из трех солдатиков-зарайцев, бывших у нас на квартире, его звали Дмитрий Иванович, и он показал нашу оловянную ложку, подаренную ему в 1876 году. Жизнь кипела, волновались, жертвовали кто чем мог, добровольцы уезжали в Сербию. Мы жили хорошо, спокойно и сытно. Домик наш смотрел приветливо и весело: спереди дома был палисадник, а сзади садик, в котором отец и я посадили по тополи, а мать – березу. В палисаднике я посадил тоже березу. Устроили, разбили клумбы, насадили цветов – хорошо было. Старший брат Александр поступил в Военно-

¹⁸ Курс городских училищ (несмотря на число классов) был установлен в 6 лет. Для 3-классных (о котором идет речь) срок обучения в каждом классе составлял 2 года.

¹⁹ Имеется в виду Сербско-черногорско-турецкая война 1876 года. Прологом к ней стало восстание христианского населения Боснии и Герцеговины против гнета со стороны Османской империи, начавшееся летом 1875 года. Восставшие пользовались сочувствием европейской общественности, но Османская империя отклонила требования мировых держав об улучшении положения боснийцев и герцеговинцев. Тогда находившиеся в вассальной зависимости от Турции княжества Сербия и Черногория объявили 20 июня 1876 года ей войну. События на Балканах способствовали росту славянофильских настроений в России, в Сербию отправлялись русские добровольцы. От полного уничтожения потерпевшие поражения княжества были спасены ультиматумом со стороны России, потребовавшей в конце октября 1876 года от Османской империи остановки боевых действий и заключения мирного договора.

²⁰ Огромная популярность и повышенная склонность к самостоятельным действиям, даже вопреки прямым приказам, неизбежно создавали для «ташкентского льва» Черняева множество конфликтных ситуаций, результат – многочисленные отставки. В июне 1876 года во время Сербско-черногорско-турецкой войны отставной генерал прибывает в Белград, чтобы возглавить сербскую Моравскую армию, 25 июля он становится главнокомандующим объединенной Тимоко-Моравской армией. Но ни талант М. Г. Черняева, ни прибытие русских и болгарских добровольцев не могут изменить ситуацию: 17 октября Черняев сообщает князю Милану Обреновичу, что дальнейшее ведение боевых действий невозможно.

²¹ Мобилизация войск Киевского, Одесского и Харьковского и части дивизий в других военных округах (в том числе 35-й пехотной дивизии Московского военного округа) была объявлена 1 ноября 1876 года.

²² 140-й пехотный Зарайский полк. Старшинство с 20 августа 1798 года. Полковой праздник – 30 августа.

²³ Аппарель (*фр.* appareil – «аппарат, устройство») – пологая площадка, насыпь или платформа для подъема и спуска техники, грузов, животных и т. п.

топографическое училище²⁴. Младший брат Николай рос, был красивый мальчик, ему шел 6-й год, мать учила его азбуке. Раз я сделал из можжевелевой палки лук с тетивой из английского шнура, стрелы к нему сделал с острыми свинцовыми наконечниками. Стрелы подымались очень высоко. Николай вертелся около меня, я со словами «Коля, смотри, как полетит стрела», пустил вверх стрелу, ее чуть было видно, а Николай, задрал голову, смотрел вверх, и вдруг стрела впиалась в лоб братишки и повисла, кровь залила лицо... я испугался изрядно. Стрела могла попасть в глаз. Ямка на лбу у брата осталась на всю жизнь и выходила на всех фотографиях.

1877

Встретили новый, тревожный *1877 год* хорошо дома, по-прежнему, с кофе, вином. Россия была накануне войны... Я все свободное время посвящал чтению исторических книг, это вошло в привычку. Пришла Пасха, и 12 апреля была объявлена война Турции, стали получаться телеграммы. Я купил новую, более подробную карту Балканского полуострова, движения наших войск обозначал булавками. Мы получали «Газету Гатцука» с иллюстрациями²⁵, и все они теперь как перед глазами. В мае начались экзамены и кончились в июне. 16 июня я получил свидетельство об успешном окончании Ярославского городского училища. Лето провел на охотах. В Романовском уезде появилась рысь, которая нападала на людей, особенно на детей. Мать уговаривала не ходить на охоту. Имена героев войны чтились, и я 27 июля, в день тезоименитства августейшего главнокомандующего, великого князя Николая Николаевича Старшего, соорудил громадный его вензель и вечером зажег, было красиво. На воротах дома мы поставили два высоких флагштока и во время побед подымали два громадных четырехаршинных флага. Победы радовали, неудачи печалили. Все жили войной.

Прошло лето. Отец пока решил взять меня к себе в канцелярию в помощь. Я стал ходить на занятия и переписывать бумаги, что мне потом очень пригодилось – я ознакомился с делом производством. В канцелярии заинтересовался литографией и через неделю работал исправно на ней – печатал приказы по Ярославской военной прогимназии. Директором прогимназии был генерал-майор Оже-де-Ранкур, секретарем – чиновник Иван Андреевич Чукашев, казначеем – чиновник Иван Васильевич Лосицкий. Все ко мне относились очень хорошо. У меня был красивый почерк, и я быстро писал, исполняя быстро данную работу. Занятия были от 9 часов утра до 3 часов дня. Вечерами я дома читал, книги брал из библиотеки прогимназии, библиотекарем был учитель Ряднов 2-й. Мои товарищи Ширяевы учились в гимназии, Корневы – в кадетском корпусе. Я, сам не знаю почему, вбил себе в голову поступить в морскую артиллерию, в Морское техническое училище в Кронштадте²⁶. Отец ничего против не был. Я выписал программу и начал подготавливаться, надо было особенно добавить по математике. Война бушевала: переход через Дунай, 1-я Плевна, 2-я Плевна, взятие Карса, взятие Плевны, перевала Шипка, переход через Балканы...

²⁴ Военно-топографическое училище было основано в 1822 году. Готовило офицеров для Корпуса военных топографов. В строевом отношении представляло собой роту небольшого состава (например, в 1912 году – 50 человек). Располагалось в Санкт-Петербурге.

²⁵ «Газета А. Гатцука политико-литературная, художественная и ремесленная», издававшаяся еженедельно в Москве в 1875–1890 годах. Ежегодным приложением был «Крестный календарь», издававшийся А. А. Гатцуком еще с 1866 года и ставший первым российским календарем, издававшимся частным лицом. Календарь имел громадный успех, расходился тиражами в сотни тысяч экземпляров. С 1885 года ежемесячным приложением к газете стал сборник беллетристики. Число подписчиков доходило до 30 тыс. человек.

²⁶ Правильно – Техническое училище Морского ведомства (с 17 июля 1872). Основано 20 августа 1798 года в С.-Петербурге как «Училище корабельной архитектуры». После ряда преобразований в 1872 году было переведено в Кронштадт, размещалось в Итальянском дворце. В описываемое время готовило корабельных инженеров, инженеров-механиков, штурманов и морских артиллеристов.

1878

Встретили новый, 1878 год... взятие Филлипополя и Андрианополя... Ура... Русские у стен Константинополя... 19 февраля – мир. Я зачитывался рассказами с театра войны – мы получали «Ниву»²⁷.

Брат Александр окончил Топографическое училище 2-м и в чине подпоручика в сентябре 1877 года, заехав к нам, поехал на войну – отец и мать были счастливы и горды сознанием, я это видел и завидовал... Буду и я не хуже... Брат попал в Рушуский отряд, к генералу князю Дундук-Корсакову²⁸.

26 февраля, в день рождения государя наследника Александра Александровича, в 12 часов дня, мы вздумали отсалютовать из нашего орудия. Было сделано уже несколько выстрелов, при следующем выстреле сделалась затяжка, и я нагнулся над затравкой орудия, как вдруг грянул выстрел, и из затравки мне опалило все лицо... Как горячим песком ударило в лицо, я инстинктивно зажмурил крепко глаза, и это спасло меня от ослепления... Два месяца носил маску, которую три раза в день меняли, намазывая какой-то мазью, но на всю жизнь на лице остались под бровями черные точки.

Весной этого года я в первый раз пошел на «тягу» вальдш непов. Вечерняя картина леса и пения птиц, постепенное замирание леса поразили меня и остались в памяти на всю жизнь. Картины из «Записок охотника» Тургенева мне стали понятны. Я полюбил природу.

Все лето я усиленно занимался, готовясь к экзамену в Техническое морское училище. В начале августа, один, я отправился в Кронштадт. Петербург порастил, но не пленил. В Кронштадте я остановился у брата А. М. Колчина, богатого купца, на Господской улице. Начались экзамены, но мне заранее сказали: «Раз не моряк по рождению и нет протекции сильных морского мира, то не попадете». В артиллерийский отдел, на 9 вакансий, прибыло 57 человек. После первых письменных экзаменов по математике и русскому языку нас осталось 31 человек, после устных, по тем же предметам, осталось 18 человек... Я держался. Остальные экзамены шли хорошо. Кончились. Вывесили результаты, я имел в среднем 9,8 балла²⁹, но... не попал в число девяти счастливых. Обидно было и грустно было ехать домой. В один из сентябрьских пасмурных дней на пароходе О-ва «Самолет» подъехал к пристани-часовне Толгского монастыря, горячо помолился и скоро увидел родимый и милый свой Ярославль. Отец и виду не показал, но сказал: «Это твоя судьба».

Ярославль готовился к встрече с войны 10-го гренадерского Малороссийского полка³⁰. У Московской заставы строили триумфальную арку, по образцу Петербургской на Невском, для встречи гвардии. Наверху арки красовался огромный Георгиевский крест. Весь город был во флагах. Полк с венками и цветами на штыках, с музыкой, при громовых раскатах «ура» вступал в город. Я встречал салютом из своей пушки. 35-я пехотная дивизия осталась в Болгарии на оккупации.

Я опять попал в канцелярию, но уже на жалованье 8 руб. в месяц, и то была помощь отцу. Было решено: я поступаю на военную службу в пехоту, вольноопределяющимся³¹. Экзамен

²⁷ «Нива» – популярный русский еженедельный «иллюстрированный журнал литературы, политики и современной жизни», выходивший с декабря 1869 по сентябрь 1918 года.

²⁸ Имеется в виду Александр Михайлович Дондуков-Корсаков.

²⁹ При 12-балльной системе.

³⁰ 10-й гренадерский Малороссийский полк. Старшинство – с 30 марта 1756 года (от 4-го гренадерского полка). Полковой праздник – 15 августа. Полное название (с 25 марта 1864) – 10-й гренадерский Малороссийский генерал-фельдмаршала графа Румянцева-Задунайского полк. Входил в состав 3-й гренадерской дивизии.

³¹ Вольноопределяющиеся – молодые люди с образовательным цензом, желающие добровольно поступить на действительную военную службу нижними чинами для отбывания воинской повинности. Пользовались некоторыми льготами при несе

буду держать весной будущего 1879 года. Теперь день я занимался в канцелярии, а вечер дома готовился к экзамену. У нас на квартире жил конторщик М[осковско]-Я[рославской] железной дороги И. И. Соловьев, который также хотел держать экзамен на вол[ьноопределяюще] гося, и вот мы с ним и начали готовиться, помогая друг другу. Мой товарищ по прогимназии и городскому училищу Шавлинский уже поступил в 9-й гренадерский Сибирский полк³² и уехал в Московское пехотное училище³³. На Рождество он приехал в отпуск в Ярославль к матери. От его вида в военной форме, красиво и аккуратно пригнанной, я пришел в восторг... Я решил поступить тоже в Гренадерский полк – кепи с высоким султаном была теперь моя мечта.

1879

Встретили новый, 1879 год, очень хорошо. Брат Александр помогал отцу присылкой денег золотом, и отец уплачивал долги Голодухину за лес, за кирпич и прочие – словом, мы отдохнули. В марте я при прогимназии держал экзамен и получил свидетельство³⁴. В феврале гренадерские полки ушли из Ярославля во Владимир и Нижний Новгород, а в Ярославль ждали 137-й пехотный Нежинский полк и 139-й пехотный Моршанский полк. В конце марта прибыл Нежинский полк, но ярославцы свой родной полк встретили не так торжественно, как гренадерский, чем на долгое время положили «нелюбовь» между горожанами и полком, даже блюдо, на коем подносили полку от города хлеб-соль, оказалось МЕДНОЕ... Ярославцы, как потом говорили в полку, народ-жулик. Потом это сказалося и очень убыточно для ярославцев...

Отец и мать настаивали, чтобы я поступал в Нежинский полк, так как в нем было много знакомых офицеров, а мне хотелось в гренадерский Малороссийский полк, дело доходило до слез, но в конце концов я послушался совета и желания родителей и 3 мая 1879 года был зачислен в 137-й пехотный Нежинский полк, в 12-ю роту, к командиру роты капитану Михаилу Алексеевичу Сушевскому, к другу-товарищу брата Александра. Живо сшили мне в швальне прогимназии очень хорошо все обмундирование. Присягу принимал под знаменем полка, на квартире командира полка полковника Маслова, на пригородной даче Сабанеева. С гордостью носил я военную форму. Трудно мне было жить в казармах, главное – ночью был плохой в казарме воздух, но скоро полк вышел в лагерь и все волн[оопределяю]щиеся были собраны в одну команду при 13-й роте к грозе-службисту – к капитану Ивану Ивановичу Ярилову. Школил он нас ужасно, и скоро мы сделались «фронтовиками»³⁵. Следил он за нашим каждым шагом, в отпуск домой увольнял только по праздникам до восьми часов вечера, к вечерней проверке все должны быть налицо в команде. Я толстыми сапогами стер выше щиколотки левую ногу, образовалась большая рана, и я каждый день должен был ходить на перевязку в полковой околотов. Доктор смазывал рану какой-то желтой мазью и посыпал белым порошком, после чего я от боли с полчаса скакал на правой ноге. Больная нога чуть не лишила меня возможности быть отправленным в юнкерское училище. В начале августа нас всех волн[оопреде

нии действительной службы (сокращенные сроки, право выбора части и др.). В соответствии с полученным образованием в описываемое время (до 1886) делились на 3 разряда: 1-й – прошедшие курс высших учебных заведений, 2-й – прошедшие курс не менее 6 классов гимназии или реального училища, 3-й – выдержавшие испытание по особой программе (в объеме курса городских училищ). К числу последних и относился автор.

³² 9-й гренадерский Сибирский полк. Старшинство – с 25 июня 1700 года. Полковой праздник – 6 августа. Полное название (с 25 марта 1864 по 26 апреля 1891) – 9-й гренадерский Сибирский Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Николаевича полк.

³³ Имеется в виду Московское пехотное юнкерское училище. Основано в 1864 году. Располагалось в Москве в Лефортово в «Красных казармах». Среди известных выпускников – генерал от инфантерии М. В. Алексеев (1857–1918), закончивший училище в 1876 году.

³⁴ Курс военной прогимназии (экзамен за который, вероятно, и выдержал автор) давал права вольноопределяющегося 3-го разряда.

³⁵ От «фронт» или «фрунт», т. е. строй. Имеется в виду строевая подготовка.

ляю]щихся командировали в Москву для держания вступительного экзамена в юнкерское училище. В Москве нас поместили в Крутицких казармах, что представляли эти казармы – один Бог ведает... грязь, вонь, пища отвратительная, и это все под боком командующего войсками. Многие, и я в том числе, спали на воздухе – на крыше крыльца в подвальное помещение... Всех собралось более 400 человек³⁶. Начались экзамены, и я в среднем получил десять баллов, но так как прогимназисты поступали без экзамена, то нам, за неимением свободных вакансий в младшем классе, предложили поступить в «приготовительный», я согласился³⁷. Начальник училища был полковник Н. И. Галахов. Мой командир 1-й роты – полковник Тимофеев (Тимоха). Командир 3-го взвода – капитан В. П. Асеев. С первых же дней я попал в такую переделку – ужас: все по расписанию, по образцу, по правилам, все согласно Инструкции для юнкерского училища, утвержденной начальником штаба Московского военного округа генерал-лейтенантом Духовским. Первое время означенную инструкцию целыми часами изучали «в зубок». Как ни было трудно, но мне это нравилось и, по правде говоря, усвоилось на всю жизнь. Любил во всем порядок. Как, бывало, красиво было: выйдет юнкер в отпуск, кепи с ярко вычищенным гербом и султаном, шинелька в обтяжку – ни одной морщинки, пояс вычищен как лаковый, на руках белые замшевые перчатки, талия как у барышни... загляденье. Юнкера были молодец к молодцу – Москва любовалась, и были же красавцы, как я помню, юнкер нашей 1-й роты 1-го взвода Николай Баньковский – загляденье. Дисциплина была строжайшая. Строй и гимнастика были тяжелы – нередко из манежа приходили все мокрые до нитки. Взводный унтер-офицер у меня был юнкер Тарасов, отделенный – юнкер Романов. Отношение между юнкерами старшего класса к юнкерам младших классов было как [у] начальников к подчиненным. Кормили юнкеров хорошо – сытно, но и аппетит же был у нас: я съедал две больших тарелки супу или щей, тарелку каши и часто две котлеты – из столовой еле выйдешь. После обеда разрешалось «чаепитие»: служители за плату разносили в чайниках кипятки, и юнкера группами пили чай с «аблимантами», т. е. с пирожными, пряниками, конфетками – все это покупалось у старика Василия, бывшего барабанщика учебного полка, в лавочке его, в коридоре 1-й роты.

В октябре месяце стали готовиться к высочайшему смотру императора Александра II, который должен проехать из Крыма в Петербург. Развернутыми ротами в 96 рядов ходили церемониальным маршем, целыми часами по плацу Кадетского 1-го и 2-го корпусов у Анненгофской рощи. В один из вечеров ноября месяца мы получили приказание одеваться без винтовок для встречи государя императора, на Курский вокзал. Было около 9 часов вечера, и мы шли к вокзалу, как вдруг раздался взрыв. Мы даже не обратили особенного внимания. Встали на свое место, государь проехал, мы кричали ура и пошли в училище. Сейчас же получено было приказание, что завтра в 1 час дня, в большом Манеже, состоится высочайший смотр, мы почти всю ночь чистились, мылись – готовились к смотру. Отдельные начальники по несколько раз заставляли перечислять амуницию... Утром, после чая, приказано было одеваться, с десятков раз начальство осмотрело каждого, раздавая щедро наряды вне очереди. В Манеже наше училище поставили на правом фланге 2-й линии, в затылок Александровскому военному училищу³⁸. Я стоял на правом фланге нашего 3-го взвода, в первой шеренге, почти против входа

³⁶ То есть более чем в два раза превысив число имеющихся вакансий.

³⁷ В случае, если поступающих, получивших «проходной» балл, было больше, чем имелось вакансий, «избыток» распределялся между другими юнкерскими училищами. Приготовительные отделения с годичным курсом учреждались для тех, кто «при вступительном испытании оказывались недостаточно подготовленными для успешного прохождения курса младшего класса». Из выпускников всех военных прогимназий империи по окончании курса на военную службу вольноопределяющимися 3-го разряда определялось ежегодно около 250 человек, а юнкерские училища выпускали около 1900 человек. Таким образом, вряд ли стоит списывать «затянувшуюся» учебу в Московском пехотном юнкерском училище М. М. Иванова на «затянувших» его при поступлении бывших прогимназистов.

³⁸ Александровское военное училище. Основано 25 августа 1863 года. Вело свою историю от Александринского сиротского института, старшинство – с 22 октября 1830 года. Комплектовалось лицами с законченным средним образованием.

в Манеж. Было уже 1 час дня – государь не приезжал. Начальство что-то тревожно передавало друг другу... Вдруг неясно издали послышался гул народного «ура», ближе-ближе, и за стенами Манежа грянуло «ура», команда «смирно», все замерло, дверь распахнулась – появился император в николаевской шинели, сбросил ее с плеч на руки казаку-конвойцу. Ему подвели вороного коня, седло было покрыто чепраком черного каракуля с Андреевскими звездами по бокам, государь император был в каске с султаном из белых перьев, в вицмундире и брюках со штрипками, была ли лента и ордена – не помню. Ловко, легко сел на коня, разобрал поводья, дал слегка коню шенкеля и направился к фронту первой линии... Команда «слушай на караул», музыка грянула встречный марш. Император поздоровался с александровцами, те ответили, и их музыка заиграла гимн «Боже, Царя храни», по фронту гремело «ура»... Император к нашему училищу подъехал с левого фланга, поравнявшись с серединой колонны, громко сказал: «Здравствуйте, дети», – «Здравия желаем, Ваше императорское величество!» – ответили мы ему как один и, от всего сердца идущее, грянули: «Ура!»... Император выехал на середину манежа, против входа в манежную церковь. Послышалась команда «смирно», – все замерло. Начался церемониальный марш, во время перестроений мы узнали, что вчера на государя было покушение – взорвали под одним из государевых поездов Курский путь – это тот взрыв, который вчера мы слышали³⁹. Государю об этом было доложено при выходе его из Успенского собора, т. е. перед поездкой на парад в Манеж. Кончился парад, император слез с коня, нам скомандовали: «Вольно оправиться». Императора окружил генералитет. Прошло минут 10, нам скомандовали «смирно», и государь уехал. Войска стали выходить из манежа и расходиться по казармам. В училище мы узнали подробности покушения. Долго толковали и возмущались злодейством. Москва волновалась. Классные занятия и строевые шли своим чередом. К режиму я быстро привык и стал исправным юнкером. На Рождество поехал домой в Ярославль. Из меня вышел «юнкер-молодец». На елках, концертах, балах и спектаклях в прогимназии я был приглашаем воспитателями и учителями – было очень весело. Быстро прошли праздники, и я поехал в училище. Мать напекла мне сдобных колобков, лепешек на целый месяц, вплоть до Масленицы. По воскресеньям я ходил в отпуск к Калачевым, живущим теперь на Немецкой улице, жена Глафира Ивановна была очень приветливая и добрая.

1880

Из преподавателей училища помню: Кратч – русского языка, преподаватель Лицея цесаревича Николая⁴⁰, знаток предмета, отлично преподавал и чудно читал. Отец Богоявленский – Закон Божий, слабость его была своя автобиография и кот, юнкера бессовестно пользовались слабостью старика, всем ставил не менее 9 баллов. Генерал Платонов – русская история, чудно читал лекции, мне ставил всегда 11–12 баллов, удивлялся моим знаниям по русской истории. Полковник Тейхман – топография, всегда кричал в классе: «Чертить, чертить, не разговаривать», за черчение у меня было 10–12. По вечерам, при лампе, многим чертил и тем испортил себе глаза, через год пришлось надеть очки на всю жизнь. Пришла Пасха, а с ней подготовка к экзаменам и стрельба. Вставали мы рано, в 4 часа утра, пили утренний чай и выходили на стрельбу на поле, что между Кадетскими корпусами и Анненгофской рощей, стрелковый вал

³⁹ Имеется в виду покушение на императора Александра II, осуществленное членами революционной организации «Народная воля» 19 ноября 1879 года. Было намерение взорвать «царский поезд» – под полотно железной дороги была заложена мина. Из-за технической неполадки «свитский» и «царский» поезда поменялись местами, и взрыв произошел именно под вторым и пришелся на один из багажных вагонов, в котором везли фрукты. Один вагон перевернулся, восемь сошли с рельсов. Обошлось без человеческих жертв.

⁴⁰ Императорский лицей в память цесаревича Николая или «Катковский лицей» – привилегированное закрытое учебное заведение с гимназическим и университетским отделениями. Существовал с 1868 по 1917 год. Размещался в Москве на Остоженке.

был по опушке рощи. Отстрелявших отправляли в училище командами в 10–15 человек. По приходе сейчас же чистка винтовки, потом чаепитие – и на экзамены или на подготовку к ним. После обеда многие спали. Экзамены кончились в конце мая, и юнкеров откомандировали на лагерные сборы в свои полки. Мы опять прошли через Крутицкие казармы. Я приехал в Ярославль, явился в полк, но дали двухнедельный отпуск, и я отдыхал дома, ходя чуть ли не каждый день в Ямской лес вместе с юнкером Сашей Ушаковым – сыном нашего пристава 3-й части Петра Андреевича Ушакова. Этот юнкер Ушаков, по кличке Сашка, был тип, в дальнейшем я порасскажу многое. Бывало, как войдем в лес, так и запоем: «Есть тайна у меня глубокая» или «На свете Папе славно жить», – вообще был чудак. Был страстный любитель голубей. Полк вышел в лагерь, и я перебрался туда же. Был зачислен в 1-ю Её Императорского Высочества роту к командиру роты Павлу Петровичу Павлову. Вскоре был назначен полковым знаменщиком, и трепало же меня знамя, когда было распушено, древко было длинное. На все занятия и стрельбы я ходил исправно. В августе были небольшие маневры частями бригады. К 1 сентября мы явились в училище. 22 октября 1880 года я, в день училищного праздника Казанской иконы Божьей матери, был произведен в унтер-офицеры – к басонам на погонах присоединились галуны.

Быстро летело время. Училищная жизнь не давала и скучать, и бездельничать, на Рождество поехал домой в Ярославль с юнкером Шавлинским. Оба племянника тетки Ольги учились в Московской военно-фельдшерской школе, около Лефортовского Военного госпиталя, но я редко с ними виделся. В прогимназии был уже новый директор – полковник Нечаев, известный знаток химии. Встретили новый 1881 год хорошо. Брат Александр остался в Болгарии и был назначен начальником топографических съемок в Болгарии и преподавателем в Софийском военном училище. Отцу высылал деньги, так что отец к дому пристроил еще одну комнату – для нас. Брат Николай учился в городском училище. По приезду после Рождественских праздников в училище Москву не узнали: шло политическое брожение, казачьи разъезды по улицам, усиленные аресты – на нашем дворе стояла глухая арестантская карета, которая часто выезжала с казачьим конвоем. Помню громадный ночной пожар фабрики Говортовского. Нам сократили отпуска. Наступило 1 марта, воскресенье, я пошел в отпуск к Калачовым и почему-то сейчас же после обеда пошел в училище. Как теперь помню, в 3 часа шел через Яузский мост к училищу, душа была неспокойна... Вечером от пришедших из отпуска юнкеров узнали об арестах в городе. Утром от нашего сапожника услышали ошеломляющую весть: «Государь император вчера в 3 часа дня убит брошенной бомбой»... Мы не верили, но в это время знамена 7-го гренадерского Самогитского полка несли в наш манеж для присяги новому императору, как удар грома разразился над нашими головами. Получено приказание: «Строиться на присягу». Юнкера как-то стихли и около недели ходили сами не свои. Подробности злодеяния были ужасны.

В помещении 2-й роты была устроена библиотека, очень хорошо обставленная, выбор книг был громадный, тишина, уют, со стен смотрели бюсты наших писателей... Я отдыхал в библиотеке за книгой, сколько чистых, чудных часов я провел ради заботы о нас высокообразованного начальника училища, незабвенного Николая Ивановича Галахова... Мир его дорогому праху... Хорошо, по-отечески он относился к нам: помню, у нас шел класс методики, впереди меня сидел юнкер Перваго и спал... Я сию же минуту снарядил «гусара» с табаком и запустил спящему Перваго, но, совершив акт и опускаясь на скамейку парты, увидел в стеклянной двери самого Галахова... Его приговор был: юнкеру Иванову – четыре наряда, юнкеру Перваго – четыре дня ареста. С Перваго я встретился во Владивостоке в 1918 году.

На Пасху я домой не поехал. Экзамены сдал успешно. В лагерь вышли в свой юнкерский – в Большой Всесвятской роще, в больших лазаретных шатрах. Особенно памятни мне полевые съемки в окрестностях сел Всесвятского, Хорошево, Тушина, Химки. Стрельба и занятия в лагерях были очень трудны. Особенно мне врезалось это – бывало, стоишь ночью дневальным

на линейке, а на небе комета, и невольно наблюдаешь – «астроном поневоле». В начале августа был выпуск из училища, и мы с завистью смотрели на «портупей-юнкеров». Скоро выступили из лагеря на зимние квартиры. Я был назначен отделенным начальником своего 3-го взвода, по-юнкерски – «шишка», командиром 3-го взвода был назначен капитан Яковлев, командиром 1-й роты – полковник Асеев. Теперь идешь по Москве, и юнкера отдают тебе честь, это щекотало по самолюбию. У меня в отделении был ярославец-юнкер Василий Кравков, грешен – спускал ему, земляку.

1881

Учебный 1881/2 год старшего класса шел лекциями. Из предметов самым скучным была для меня тактика: стоило, бывало, за вечерними занятиями, взять учебник генерала Драгомирова, как рот начинал растягиваться до ушей от зевоты, прямо удивительно, но впоследствии на дальнейшей службе я зачитывался и занимался с увлечением. Очень любил топографию. Тактику читал полковник Перекрестов, военную администрацию – полковник Платонов, военно-уголовные законы – полковник Македонский, русскую литературу – генерал Сергеевич, топографию – полковник Тейхман. Для практических занятий по исправлению оружия ходили в оружейную мастерскую училища, но больше портили материалы, чем учились, я сделал только шпильку, да и то кривую. За богослужениями должны быть все юнкера, в церковь шли строем, стояли в церкви выровненные и строго в затылок, Боже сохрани отставить ногу... В церковном коридоре висели мраморные доски: на белых – Георгиевские кавалеры, на черных – убитые в боях. Тогда не думал и не гадал, что попаду на белую мраморную доску в училище и в 11-м Сибирском стрелковом полке за Тюренченский бой. На Рождество поехал в Ярославль. Отец и мать были очень рады моим успехам.

Из событий 1881 года пропустил приезд государя императора Александра III в Москву в мае месяце. Войска гарнизона г. Москвы император смотрел на Ходынском поле. Наше училище стояло в первой линии, левее Александровского училища. Знамена, погоны, шарфы были под черным флером⁴¹. Император был в фуражке, сюртуке и в больших высоких сапогах. Его могучая фигура плотно сидела на большом рыжем коне. С нами поздоровался словами: «Здравствуйте, господа». На шее имел Георгиевский крест. Впечатление производил могучего русского богатыря.

1882

Встретили новый, 1882 год не так весело – мученическая кончина императора Александра II оставила неизгладимую печать, народ чтит его как освободителя.

После Нового года быстро пролетело время, настала Пасха и экзамены. Вышли в лагерь, старшему классу назначены были топографические съемки и решения тактических задач в поле. Я работал быстро и чисто, многим помогал, а за то меня угощали молоком на ферме княгини Шаховской. В конце июля были на маленьких маневрах около Химок. 8 августа после смотра командующий войсками поздравил нас подпрапорщиками, а 10 августа я уехал в месячный отпуск домой в Ярославль, на радость родителям. Целыми днями я с Сашухой Ушаковым пропадал на охотах. Нежинский полк на лагерь ушел в г. Тулу, и ему пришлось отрывать погибших при крушении поезда от воднения около г. Черни. В середине сентября полк прибыл в Ярославль, и я явился новому командиру полка полковнику Казимиру Мартыновичу

⁴¹ Во время государственного траура при парадной форме блестящие предметы обмундирования убирались черным флером, при повседневной форме ограничивались траурной повязкой на левой руке.

Адамецкому. Я был зачислен в 4-ю роту к командиру роты капитану Абуладзе. Командир 1-го батальона был подполковник Степан Захарович Костырко.

Полк стоял в Николо-Мокровских казармах, а я остался жить дома за рекой Которослью. Трудно было ежедневно два раза ходить на занятия за три версты, т. е. делать ежедневно 12 верст, но мне сделали льготу – я ходил только на утренние занятия, зато работал на совесть – молодые солдаты вышли одни из лучших в полку.

Для меня было невыносимо ходить в караул в тюрьму: я положительно не мог слышать лязга и звона кандалов и запаха арестантских камер... День караула в тюрьме я вычеркивал из жизни. Я не мог дожидаться смены с караула. Раз, собираясь в караул в тюрьму, смазавши револьвер и зарядивши его, вдруг вздумал поверить его действие: грянул выстрел, и пуля впи-лась в стену, с этих пор стал верить, что «и палка стреляет».

Мне исполнился 21 год, я стал интересоваться барышнями. Помню Настю Завьялову, Катю Полянскую, Раю Бочарову, Катю Кореневу, которые засматривались на меня.

Первый раз в жизни я увидел в Ярославском городском театре, 4 ноября 1882 года, оперетку «Орфей в аду», я с удовольствием смотрел эту оперетку.

1883

Новый, 1883 год встречал дома. Дела шли хорошо – брат Александр помогал отцу. После Нового года меня представили в прапорщики, и 27 февраля я был произведен. Через недели две я надел офицерскую форму, но странно: я подпрапорщику больше был рад, чем чину прапорщика. Содержания я стал получать 47 руб. с копейками... но надо было теперь одеваться, а это было трудно⁴². Я никуда не ходил, ни в собрание, ни на бульвар, ни по знакомым – знал пока только церковь да лес. По-прежнему много читал. У меня была отдельная уютная комната с отдельным ходом через терраску и садик, мне было хорошо, и тепло, и уютно. Из окна виден был с юга весь Ярославль: от собора до церкви Пятницы на всполье. На меня сильное впечатление производил благовест ко всенощной: ровно в 6 часов ударял соборный колокол, и с третьим его ударом все 40 ярославских церквей подхватывали, и могучий гул разливался над городом... Из всех звонов выделялся Власий своим 1000-пудовым колоколом. Эх ты, Русь Православная, где ты... откликнись... встань, проснись... сбрось пархатого жида. Я ходил в церковь прогимназии, Николаевского приюта, ко Власию и в Спасский монастырь. Я очень любил хорошее церковное пение. Особенно хорошо пел хор Иванова у Власия. Поразительно красивы были архиерейские богослужения в торжественные дни в Крестовой церкви Спасского монастыря, и особенно была красива церковь, где почивали святые мощи благоверных ярославских князей Феодора, Давида и Константина, вновь только возобновленная под розовый мрамор. Архиерейский хор пел чудно, высокопреосвященнейший Ионафан служил благолепно.

Во всю свою жизнь я питал особенное благоговение к святым благоверным ярославским князьям Феодору, Давиду и Константину, всегда у меня была их икона, и в трудные дни моей жизни всегда обращался к ним с молитвой о помощи и невидимо получал.

«Святые Благоверные Княже, Феодоре, Давиде и Константине, молитесь о нас».

Служба шла хорошо, я считался исправным и исполнительным офицером, если мне что-либо поручали, то я гордился этим и старался выполнять как можно лучше. В полку меня любили. Осенью собиралась большая компания на охоту с гончими: С. З. Костырко, М. А. Сушевский, В. С. Савельев, С. Л. Ушаков, И. А. Перцев, А. П. Ушаков и др. Уезжали за 15–20 верст к Карабихе, Шопше, Семибратову, к Троице на Пахне, Норскому, Савинскому,

⁴² В отличие от нижних чинов (к каковым относились подпрапорщики), офицеры должны были обмундировываться за свой счет, что при многообразии положенных офицеру форм одежды и необходимости чистоты и опрятности тяжким бременем ложилось на небольшое жалованье молодого офицера.

Яковлевской слободе. Гончих собак собиралось до 12–15 смычков, и так как ходили довольно часто, то стоя была дружно-спетая. Хорошо и приятно было послушать «гон» в осенний серенький денек... а потом привал-полдник с водочкой, закуской и чайком, где-нибудь на лесной полянке... Сколько «охотничьих» рассказов, сколько смеху. Было здорово тело и здоровый дух.

Конец 1883 года ознаменовался началом невинных ухаживаний за барышнями в сентиментальном духе: встречи, речи, вздохи, цветочек... и непременно – луна... тем и кончалось.

1884

В 1884 году брат Александр приехал из Болгарии женатый и больной, занял мою комнату, а я с полком ушел в лагерь в Москву. Заняли лагерь гренадерской дивизии на Ходынском поле. Гренадерские полки ушли на наши места.

В московском лагере вначале я застудил флюс, получилось затвердение, зубной врач Барс (Кузнецкий мост) вскрыл это затвердение, и, по приезду в Ярославль, образовалась фистула. Доктор-хирург Линденбаум сделал мне операцию, и я два года носил повязку, шрам на левой щеке остался на всю жизнь.

Московские лагеря прошли легко и весело. Офицеры полков 35-й пехотной дивизии составили громадный хор и дали несколько концертов в «Кукушке» – лагерном собрании, около Малой Всесвятской рощи, в большом круглом павильоне, подаренном с выставки 1882 года. На всех концертах присутствовал генерал-губернатор князь Долгорукий и все высшее начальство и московская аристократия – мы затмили гренадер. Полковой праздник 30 августа прошел блестяще. В начале сентября мы возвратились в Ярославль. Я произведен в подпоручики. Был выбран библиотекарем, заставили составить каталог для приобретения новых книг, дали 5000 руб., и я отправился в Москву, где прямо обратился в книжный магазин «Нового времени», и заказ был исполнен образцово. Магазин в благодарность подарил громадный ящик «легкой» литературы... Книги военной литературы были выписаны от Березовского⁴³. Был заведен строгий порядок со штрафами, офицерство читало много, и я, пробывши библиотекарем 4 года, так изучил вкус читателей и читательниц, что пришедшему денщику с запиской без указаний книги я знал, что дать, и редко ошибался. По книге выдачи было видно, что читает каждый офицер. К стыду, надо сознаться, офицеры мало уделяли внимания военной литературе. Потом на войнах я воочию видел этот пробел специально-военных знаний наших офицеров – мастер должен знать свое дело. У редкого офицера были свои собственные специально-военные библиотечки, разве где-нибудь валялись два-три устава. «Разведчик»⁴⁴ Березовского все-таки заставлял интересоваться новостями, и его кое-кто из офицеров выписывал.

Мне с приездом брата, да еще женатого, дома стало неудобно, и тесно, и плохо – ютился в уголку, принять товарищей было невозможно. Я с братом Александром не сходилась во взглядах во многом, часто спорили и дулись друг на друга. Я хотел даже переехать в город, поближе к казармам, мне надо было ежедневно шляться, часто по грязи, в дождик, в снег.

⁴³ Имеется в виду издательство Владимира Антоновича Березовского (1852–1917), специализировавшееся на издании военной литературы.

⁴⁴ «Разведчик» – русский иллюстрированный еженедельный военный и литературный журнал. Преобразован в 1889 году из «Листка конторы и склада В. А. Березовского» (издавался с 1888), выходил вплоть до конца 1917 года. Долгое время – единственное частное издание, которое могло конкурировать с официальными изданиями военного ведомства.

1885

Настал 1885 год. Я часто стал ходить в театр, играла драматическая группа Борисовского; из пьес врезались мне в память «Гражданский брак», «Майорша», «Гамлет», «Гроза». Я любил театр и сделался завсегдатаем, мне даже назначили место в 12-м ряду, кресло № 100, как раз посередине ряда против средней дорожки. Полкового собрания и бульвара я не посещал, многие удивлялись, а меня не тянуло.

Весной брат с женой уезжали в Лепельский уезд, к тестю, отставному капитану Михаилу Петровичу Еленеву. Я опять занял свою комнату и зажил припеваючи. Лагери кончились, и мы пошли на маневры в Романо-Борисоглебский уезд, помню по веселым эпизодам: г. Романо-Борисова, Марфино, Лазарцево, Никольское, шалили и проказничали. Полком временно командовал полковник Николай Петрович Павлов. В полку Павловых было три брата: Николай – командир 1-го батальона, Павел – командир 1-й Ее Высочества роты, Петр – полковой адъютант; так что злые языки называли полк «Павловским»... сия троица была всесильна. Осенью я стал «выезжать», ходил к Ушаковым, Бочаровым, Пастуховым, Зориным, Полянским и др. Сын генерала Зорина Жорж уговорил записаться членом Ярославского артистического кружка, и я в первый раз вышел в роли шарманщика в водевиле «Откуда сыр-бор загорелся». Ряд пробных спектаклей определил мое амплуа – вышел комик. Я недурно играл «под Варламова». Кружок благотворно действовал на меня, отвлекая от попоек и прочего...

1886

Весной 1886 года я был назначен батальонным адъютантом 3-го батальона, к подполковнику Кучинскому. Аксельбанты украсили мою грудь⁴⁵. Очень часто чистил и убирал лошадь Рыжно я сам⁴⁶. Начальство за мою исполнительность и усердие по службе относилось ко мне очень хорошо.

Брат Николай окончил городское училище, поступил в Нежинский полк вольноопределяющимся и в августе месяце был командирован в Казанское юнкерское училище.

В этом году я особенно ухаживал за дочерью полковника Полянского Екатериной Алексеевной Полянской, и очень успешно, но дальше луны не пошло... Я начал ухаживать за Иридой Федоровной Бочаровой, за сестрой нашего подпрапорщика Бочарова, но и это скоро кончилось – театр, музыка, лес и охота больше меня всего увлекали. Из барышень мне больше всех нравилась Екатерина Григорьевна Курлова, но я ее редко видел, и то только в кружке. Часто я бывал у Леонида Николаевича Пастухова, он и его жена Анна Николаевна были чудно-хорошие люди, страстные театралы, очень солидно поддерживали артистический кружок. Помню, я с ними играл «Светит да не греет», в роли садовника: «Что, барин, поешь, попей»... Эх, славное было время!

«Девушка, гуляй, а своего дела не забывай», а у меня так и выходило: библиотека была исправна, адъютант был исполнительный. Полковник Адамецкий относился ко мне отлично. На меня возложили «Чтения с туманными картинками», фонарь с друммондовым светом, и мне приходилось самому добывать кислород. Однажды, заложив в чугунную колбу смесь бертолетовой соли с перекисью марганца и поставив в кузнечный горн (в оружейной мастерской),

⁴⁵ Видимым отличием офицеров, исполнявших адъютантские обязанности, были носившиеся ими аксельбанты. Кроме адъютантов строевых частей, аксельбанты также полагались офицерам и генералам императорской свиты, а также офицерам Генерального штаба.

⁴⁶ В пехотных полках верховые лошади полагались офицерам, начиная с должности батальонного командира, а также полковым и батальонным (до отмены этой должности после Русско-японской войны) адъютантам.

сам стал у мехов и, видимо, очень сильно стал подогревать – произошел взрыв, но так как я стоял за кирпичной стенкой очага, то и остался цел. Чтения были каждый праздник в Манеже, от 3 часов дня до 6 часов вечера. Ходили только желающие, но всегда Манеж был полный. В антрактах играл полковой оркестр и пел хор песельников. Фонарь был очень хороший, стоил 500 руб.

1887

Вот и 1887 год. После Пасхи к нам опять приехал брат Александр и надумал строить себе дом на клочке земли отца. Я доказывал неудобство этой затеи, меня не послушали. В мае мы вышли в лагеря, и я решил осенью перебраться в город, поближе к казармам – мне стало невмоготу бегать.

Не могу не отметить: отец заказал «написать» святую икону святых всего нашего семейства: от дедушек – бабушек и до ангела брата Николая. Эта святая икона, по воле Божьей, осталась единственной святыней нашего семейства после проклятой революции. Перед ней и святой иконой Толгской Божией Матери и теперь (1921), с 1908 года, горит неугасимая лампада. Берегите и молитесь перед ними.

По окончании лагерей я переехал от родителей в город на Рождественскую улицу, в дом подполковника Егорова, по прозвищу Кобылья голова, там же жил его свояк, знаменитый прапорщик Мещерский – 70-летний юноша, герой Кавказа и скандалист: целые дела были в полковых архивах. Он служил в лейб-гвардии Кирасирском, в Нижегородском драгунском, в Ширванском, в Тверской местной команде, в Нежинском и Болховском полках. Ранен при взятии аула Ахульго. В настоящем году ездил на Георгиевский праздник в Петербурге, был представлен государю императору, который повелел дать усиленную пенсию, в размере 60 руб. в месяц (вместо 8 руб.), перевести в 1-й разряд раненых, дочь определить в патриотический институт.

Я занимал две маленькие комнатки, одна окнами на улицу, кухонька и отдельный ход прямо на улицу, и всего за 10 руб. Теперь я отдохнул от ежедневной беготни, казармы были – 5 минут ходу. Как я говорил, так и вышло: наши двор не поделили и перестали даже ходить друг к другу. Вечера проводил или за чтением, или на репетициях в кружке или в театре, у себя почти что никого не принимал – боялся пьянства.

В этом году начался «альянс» с французами.

Из Болгарии приехал сын моего крестного отца, штабс-капитан Нежинского полка Николай Викторович Греченков, женившийся в Болгарии на дочери воронежского помещика Котошихина, Лидии Николаевне. Его вскоре назначили полковым адъютантом. Семейные дела его совершенно погубили, он начал пить, и вскоре и он, и она погибли в московских трущобах...

1888

Новый, 1888 год встречал в полку и отбивал 12 ударов – начало нового года. В марте сдал должность батальонного адъютанта и принял охотничью команду⁴⁷. По принятии в охотничью команду собрал, выписал всю литературу, касающуюся дела разведки и охоты как развития разведчика, засел, усвоил суть дела, составил обстоятельный доклад и программу, все это начальство утвердило, и я начал действовать. Через год моя команда была образцовая.

Маневры были в Ярославском и Ростовском уездах, за время их у меня было два случая. Первый был большой привал нашего отряда в селе Семибратово, офицерство зашло в трак-

⁴⁷ Впоследствии охотничьи команды были переименованы в более привычные современному слуху команды разведчиков.

тир закусить и попить чаю, я также зашел и занял столик у стены, за соседним столом села компания офицеров, в числе которой был недавно произведенный подпоручик Д. Ф. Бочаров. Как всегда зашла речь об истории села Семибратова, я рассказывал, что знал. Все обратили внимание на картину, висевшую надо мной на стене, старинная, очень хорошая гравюра была – «Явление отроку Варфоломею (будущему преподобному Сергию)», я рассказал и это, по просьбе тех же офицеров на мой рассказ; полупьяный подпоручик Бочаров позволил сказать: «Этот Иванов все врет», – на что я, сдерживая себя, сказал источники, из которых я почерпнул рассказ, на это Бочаров сказал: «Вы ничего не понимаете», и еще какую-то дерзость, на что я ему сказал: «И дурак же Вы, купец Бочаров»⁴⁸. Бочаров, пошатываясь, встал и сказал: «Я вы-зы-ваю Ва-а-ас на ду-е-е-е-ль». Я ответил: «Хоть сию минуту», – Бочаров замолчал и сел на стул. Прочие офицеры сказали: «Митя, сократись», – и Митя сократился, а вечером извинился.

Наш полк стоял около села Судина. Было воскресенье, и я верхом отправился осмотреть окрестности г. Ростова. Заехал в погост «Богослов на Ишме» (в четырех верстах от города), здесь замечательная церковь, деревянная, основная из «кондового» леса, постройки XVI столетия, все сохранилось до последней мелочи: железные подсвечники, кадила, Царские врата изумительной резьбы по дереву, мелкотравчатой. В 1855 году накренившуюся церковь увидел проезжавший государь Александр II, заехал, осмотрел ее и пожертвовал 5000 руб. на исправление, но не переделку. На следующий день, по моему совету, заехал посмотреть церковь командир полка полковник К. М. Адамецкий, и был восхищен. Наш полк проходил через Ростов мимо Кремля, с музыкой, и в это время архиепископ Ионафан ехал из Кремля с заседания Археологического съезда, знаменитый Ростовский звон гудел... куда императорской опере в «Жизни за царя» сравняться с этими могучими звуками!..

Кончились маневры, настала осень, а с ней и охоты. Начальником дивизии был генерал-лейтенант Василий Павлович Данилов, человек очень хороший, страстный охотник, и вот начались настоящие походы охотничьи: за 20–50 верст, недели на две... Завели стаю гончих, наняли лукашей-псковичей, нашили флагов, купили полсотни лыж, и началась гонка. На месте охоты вставали в 4–5 часов утра, выходили на разведку и обкладку зверя луками, а мы с 8 часов на «номере». Приходили в село или деревню на ночлег в 6–7 часов вечера: обед-ужин, чай, а после и танцы под большую нашу гармонию, которую возили в особом сундучке. Как ни трудно подчас бывало, но офицеры и солдаты участвовали в охотах. Начальник дивизии был в восторге от моей команды, и действительно были молодец к молодцу. Раз начальник дивизии пошел на охоту со своими гончими за Волгу, к Яковлевской слободе, и только спустил стаю, как услышал неистовый визг собак; приехав на визг, увидели двух собак, зарезанных волками. На следующий день была устроена облава, и двух матерых волков [убили]. В одном было 4 пуда. Лукаши для обклада зверя уезжали от ночлега верст за 10, если зверь был обложен, то мы для сокращения времени шли к месту облавы на лыжах напрямки. Охота действительно развивала разведчиков, и вырабатывались очень толковые.

1889

Встретили новый, *1889 год* в Полковом собрании очень весело. Весной из Углича приехала племянница отца, Рая, и давай сватать мне невесту из Кашина, некую Талызину, я много смеялся.

⁴⁸ Со стороны автора воспоминаний последовала не меньшая дерзость: несмотря на всю возможную разницу в происхождении, после производства в первый офицерский чин получалось личное дворянство, а по достижении чина полковника (с 1856) – потомственное. Право на потомственное же дворянство получали награжденные орденом Св. Владимира 4-й степени (после 1900 – 3-й степени).

Пришла и прошла Пасха, вышли в лагери. В мае месяце была назначена корпусная полевая поездка в Ярославской и Владимирской губерниях. От полка были назначены поручики Касатский и я, как знатоки дела. Наша партия была под начальством начальника штаба дивизии полковника Николая Ивановича Соловьева. Эта поездка была одно удовольствие. Мы с Касатским работали и за себя, и за других. Корпусная работа была в районе г. Иваново-Вознесенск, с. Кохма и г. Шуя. Наши работы оказались лучшими, и Н. И. Соловьев так был доволен, что дал нам в Шуе обед.

Отец и мать настаивали, чтобы я женился, а «не болтался». В Кашин я ездил раза три и, в конце концов, решил.

Во время лагеря мне было поручено выбрать в окрестности Ярославля место для боевой стрельбы с маневрированием. Долго я ездил и, наконец, нашел за Волгой, около Яковлевской слободы к д. Шабунино. Проработал две недели, снял план, написал подробный доклад и представил начальству. Начальник дивизии рассмотрел и лично сам с командирами полков, взяв с собой для доклада меня, отправился для осмотра боевого стрельбища. После доклада и осмотра очень благодарил меня за тщательную разработку и исполнение. На боевом стрельбище хорошо выпили и закусили. В скором времени на первом боевом маневре воочию убедились, как было опасно не исполнять выработанную мною инструкцию: средняя директриса была обозначена на первой линии огня высоким столбом и направлялась на высокую колокольню с. Пруссова, чем и разделялось стрельбище на правый и левый участки. Командир батареи левого участка открыл огонь по цели правого участка, и первые гранаты полетали в деревню, хорошо, что с Шабунинской горы я наблюдал за полем в подзорную трубу, и сию же минуту увидел переполох в деревне и дал отбой... В деревне жители бросились в лес, скотина из стада разбежалась по полю. Около часу пришлось не стрелять – водворять порядок. После ухода наших полков из Ярославля все части стреляли на «Ивановском» стрельбище.

В конце сентября я женился на Екатерине Дмитриевне Талызиной. Брак был неудачлив, и я принял много горя... Все отравляла теща, я не рад был и жизни. Точка.

1890

Наступил 1890 год, я продолжал с успехом командовать охотничьей командой. Начальник дивизии бывал у меня с семьей запросто. Продолжал играть на сцене Артистического кружка. Познакомился почти со всем городом. Особенно хорошо относились Пастуховы, Вахрамеевы, Латышев, Каратыгины, Беневикие, Михайловы и др. В полку тоже были в хороших отношениях, но жили мы скромно. Летом жили около лагеря на даче Сабанеева.

Маневры в этом году были в Романово-Борисоглебском уезде, предварительно, весной, я делал разведку и позволил себе не осмотреть одной большой рощи, в четырех верстах от г. Романово-Борисоглебска, по дороге от с. Никольского. Маневры были дивизионные, присутствовал командующий войсками округа. Нашему отряду приказано было атаковать город с запада, Нежинский полк был в резерве, и вот ему-то было приказано сделать охват левого фланга обороняющегося. Полку пришлось как раз проходить эту злополучную рощу. Роща была осиновая, деревья высотой были сажень 6–7 – очень высокие, почва была мокрая, мшистая. Командир полка приказал мне вести полк. Я попросил пастуха проводить меня, идя впереди. Полк тронулся за нами. Пастух засучил свои штаны, вижу, дело плохо, и чем дальше в рощу, тем глубже утопает нога пастуха и моей лошади, сзади слышатся возгласы, но командир полка молчит... Наконец нога лошади уходит по колено... Я дал шпоры и бросился вперед: о счастье, проехавши двести шагов, я выехал на сухое место, покрытое высокими ореховыми кустами, проскакал дальше, определил пункт развертывания полка и поскакал с докладом к командиру полка. Полк вышел, развернулся и быстро начал наступление и завершил атакой, куда и следовало. При разборе маневра командир полка получил благодарность от команду-

ющего войсками. Сколько я перечувствовал, один Бог знает. Меня очень выручало умение быстрой ориентировки во всех последующих случаях, как на мирных маневрах, так и в боях трех войн.

Всю осень и зиму провели в практических занятиях в поле и охотах. Охотничья команда была превосходна. Был сделан переход на лыжах из Ярославля в Рыбинск (82 версты) в 16 часов со встречным маневром на лыжах, с охотничьей командой 138-го Болховского полка. В Рыбинске нас встретил весь полк с музыкой и парадным обедом. От усиленного перехода у меня из-под ногтей ножных пальцев пошла кровь, в полковое собрание меня внесли на руках. В Рыбинске мы пробыли пять дней и возвратились тем же порядком в Ярославль. Дома я отдыхал три дня.

1891

1891 год встретили весело. У меня служба шла успешно. Начальство было очень мною довольным, и я работал добросовестно. По библиотеке мне был дан помощник. Многие мне завидовали. В лагерях выбил полковой приз в 74 руб. На даче жили в д. Очипки на берегу р. Волги. Раз, сидя за ужином в 10 вечера, я увидел в стороне лагеря поднимающуюся ракету и подумал, что это тревога в лагере. Быстро бросил ужин, на велосипед – и в лагерь. Я мчался по узкой дорожке, по боковому валику, и за темнотой и в горячке не заметил свесившегося огромного сухого сука... Вдруг удар по голове, и я в канаве, а велосипед за валиком, но в голове мелькнула тревога, я быстро вскочил на велосипед и помчался в лагерь прямо в собрание... Там спокойно сидели офицеры и ужинали... «Господа, тревога»... на меня все с удивлением смотрят. Сигнальная ракета находилась впереди переднего лагерного караула и не выпускалась.

Когда заметили у меня на лбу шишку, и я рассказал о случившемся, то все стали хохотать... я сел пить пиво. Оказалось, что на даче Полушкинской роши кто-то справлял именины Ольги (11 июля), и жгли фейерверк.

Маневры были в южной части Ярославского уезда. Были дивизионные маневры, 1-я бригада наступала с юга, 2-я обороняла г. Ярославль. Было 7 августа. В 4 часа пополудни наступающий отряд громил город. Я с охотничьей командой наступал на правом фланге и шел по берегу р. Волги. В 6 часов вечера последовал отбой, и мы возвратились в лагерь... Меня встретил брат Николай (он был уже подпоручик) и сказал: «Мама умерла»... Я переспросил... «Да, она скончалась, сидя на скамеечке у ворот и смотря на стрелявшую вблизи дома батарею». Я бросился переодеваться, и мы с братом побежали домой за Которосль. Дорогой я плакал, как маленький ребенок, навзрыд, горько... горько... Отец был нем, из глаз тихо текли слезы... Через три дня схоронили свою маму на Леонтьевском кладбище, под березкой, которую я когда-то, 21 год тому назад, посадил прутиком... Спи, дорогая мама, есть чем тебя вспомнить: добрая, милая, дорогая моя мама... Она вся была в нас и за нас. Мало теперь таких матерей.

Конец этого года прошел как бы под трауром на душе.

Брат Александр жил в своем доме и не выходил – его разбил паралич, все грехи молодости, я положительно не понимал, зачем он женился. Жена его, Екатерина Михайловна, была мученица, брат не мог без посторонней помощи даже закурить папиросу. Она была чудная хозяйка и все работала сама. Где вкусно можно было пообедать – так у ней. Она безвыходно была дома. Брат Николай жил с отцом в моей комнате.

Стали ходить слухи, что нашу 35-ю дивизию переведут на место 3-й гренадерской, наш полк – в Рязань. Жаль было расставаться с Ярославлем.

1892

После нового, *1892 года* у нас в полку с моим родственником, штабс-капитаном Н. В. Греченковым и его женой разыгрался страшный скандал... и он был исключен из полка судом общества офицеров – вот как жены губят мужей. Здесь я не могу даже описать, такая грязь...

Вышли в лагерь мы раньше обыкновенного. Мы поселились на даче Сабанеева, а квартиру наняли в доме купца Горошкова, угол Пошехонской и Никитской улиц. Служба шла своим чередом. Отец изредка навещал нас, и как-то мы все четверо снялись на опушке сада: отец, я, жена и Коля. Помню, 17 июля отец пришел к нам, погостил два дня, и в один из них, когда мы с ним остались вдвоем, он встает, снимает со стены около моей кровати висевший старинный медный складень (деисус) и молча им благословляет меня. Я с удивлением, вопросительно смотрю на него, он только сказал: «Так надо», – и больше ни слова. 21 июля к нам приезжает жена брата Александра и говорит: «Отец сегодня утром тихо скончался»... Честно, хорошо похоронили мы отца, положив рядом с мамой... Упокой, Господи, души рабов Твоих бедных, но честных и всеми почитаемых. Меня поразил величественный вид отца, рост и профиль лица, похожий на профиль императора Николая I. Отец был николаевский солдат. Теперь только понимаешь, как он инстинктивно воспитывал нас в вере в Бога, в любви к России и в преданности к царю.

Будучи искренно верующим [в] Бога и в Святую Православную церковь, я всегда ежедневно в своих молитвах поминаю своих родителей и близких мне и стараюсь возможно чаще подавать в церкви на проскомидию, замечательное является чувство общения с умершими – они как будто живы, но где-то далеко... Когда я молюсь за умершего, то стараюсь в уме восстановить его вид и наружность, и он становится для меня живой, но не умерший: «Несть Бог мертвых, но живых».

Наступила осень. Маневры были бригадные, в окрестностях Ярославля. Полки готовились к переезду: Нежинский – в Рязань, Моршанский – в Зарайск. В Ярославле появилась новая болезнь «инфлюэнция», много умерло и переболело. Жена также переболела и к выезду еще не оправилась окончательно, что и было для нее роковым.

Уважаемому и любимому всеми нашему начальнику дивизии генерал-лейтенанту Василию Павловичу Данилову пришлось подать в отставку: послушался командира Моршанского полка полковника Ляпунова и разрешил переизбрать для одного дела суд общества офицеров, донесли военному министру генералу Ванновскому... Брат В. П. Данилова, генерал Михаил Павлович Данилов, написал ему письмо: «Вася, твоя песня спета – подавай в отставку». Было чем вспомнить доброго Василия Павловича – сколько он спас офицеров-молодежи. Он любил солдата и делал все, чтобы улучшить его положение. Рукоприкладство было при нем вконец искоренено. Это был старый рыцарь.

Наш командир полка К. М. Адамецкий вышел в отставку, проводили его от всего сердца. Новый командир был полковник Михаил Николаевич Василевский.

В конце сентября прибыли в Ярославль квартирьеры Фанагорийского гренадерского полка, а наши отправились в Рязань. Перед уходом из Ярославля мы с братом сходили на могилы родителей, отслужили панихиду. 12 октября наш эшелон отправился в Рязань. Как я ни убеждал жену ехать пассажирским поездом, не мог убедить. Оделась, хотя и по-осеннему, сравнительно легко. В Москве простояли сутки. В день выезда из Москвы начался снег, подул сильный холодный ветер, чем дальше от Москвы, тем вьюга становилась сильнее. При выходе со станции Диево вьюга обратилась в страшный буран, и вдруг на пути, не дойдя до следующей станции, поезд остановился среди поля – снег был выше осей. Дров – ни полена. Полсуток простояли в поле, пока очистили путь, пока добрались тихим ходом до следующей станции, все прозябли, продрогли – у всех зуб на зуб не попадал. Метель провожала нас и в Рязани.

По приезде в Рязани в гостиницу жена сразу слегла в постель, температура стала подыматься, и началось сгорание... В декабре оказалось присутствие туберкулезных палочек, она уже не могла подняться с постели. Квартиру сняли на Селезневской улице, неудобную.

Надо было устраивать охотничью команду. Казармы были плохие, холодные, сырые, тесные... Вот когда вспомнили свои Николо-Мокровские казармы в Ярославле. Город Рязань грязный, серенький городишка. Вода плохая. Бань хороших нет. Офицеры и солдаты приуныли. Дома у меня дыхание смерти...

1893

Грустно встретили *1893 год*. Я подал [рапорт] о переводе меня в Крым... Больная жила мечтой о южном берегу теплого, ясного Крыма... В Рязани была семья Чаевых, сын их Николай Николаевич Чаев, чахоточный, приговоренный к смерти врачами, уехал в Крым – и жив и здоров. Он строил Феодосийский порт, потом ж.-д. насыпь через Графскую балку около Севастополя, Массандровские погреба, а потом на лаврах почивал на собственной роскошной даче в Ялте, в Дерикое. Сестра его часто посещала жену, приносила крымские виды и рассказывала о прелестях Крыма. Жена забывалась в мечтах.

С охотничьей командой из Рязани сделал только одно походное движение в г. Зарайск.

Брат Николай начал ухаживать за сестрами Буш, но за какой определенно, не могли сказать – то за Ольгой, то за Катериной.

22 февраля состоялся высочайший приказ о переводе меня в 52-й пехотный Виленский полк⁴⁹, стоящий в Феодосии.

Доктора же отвергали всякую попытку к переезду – она умрет в дороге, говорили они. Стали ждать теплого времени, но чем ближе становилось к весне, тем все слабее и слабее была жена. Так промаялись до конца апреля. 28 апреля в 2 часа дня тихо незаметно скончалась. 3 мая прах отправили по железной дороге в Тверь, а оттуда на пароходе в Кашин, где и была погребена на городском кладбище. Я с братом возвратился в Рязань.

Меня продержали в Нежинском полку до середины июня. Брат Николай захотел провожать меня до Тулы, где нас ждал к себе в гости поручик Неклюдов, у него был в Туле собственный дом. У меня были два громадных пса – Фауст и Вьюн, помесь меделяна с догом, привязаны были ко мне страшно. Я их оставлял брату. Вечером, в день нашего отъезда, оба пса, сидя около палатки брата, вдруг так жалобно завывали, что невольно заплакал... Как жаль было мне бросать их, моих верных псов... они были у меня пять лет. Мы с братом еле зазвали [их] в деревянную палатку и заперли на ключ, приказав выпустить их утром. Мы пошли на вокзал в 10 часов вечера. Меня провожало около 20–25 офицеров. На вокзале на прощание много выпили. Со слезами расстался с родными нежинцами и только через одиннадцать лет, в 1904 году, 10 и 11 августа, я встретился с ними на Ляндысанских позициях, провел с ними два дня, выпили последнюю чару вина, и 12 августа трех четвертей их не стало – легли на боевом поле чести. Вечная память и слава павшим...

В Туле мы осмотрели подробно императорский оружейный и патронный заводы, и, распростившись с братом и Неклюдовым, двинулся на юг один-одинешенек. Грустно и скучно было... Брат потом писал, что псы за ночь в палатке все перевернули, разбили в окне стекла, пытались грызть раму, выли, лаяли, и утром, когда денщик их выпустил, бросились по следам на вокзал, их видели в казармах, побывали на наших квартирах и возвратились через два дня в

⁴⁹ 52-й пехотный Виленский полк. Старшинство с 29 октября 1811 года. Полковой праздник – 6 декабря. Полное название (с 30 сентября 1876 по 5 октября 1905 и с 14 апреля 1909 по 4 марта 1917) – 52-й пехотный Виленский Его Императорского Высочества Великого Князя Кирилла Владимировича полк.

лагерь усталые и голодные. Брата встретили радостным лаем, визгом, лизали руки, ноги, но все-таки потом были скучны и искали меня. Так продолжалось более месяца. Вот где верность...

Чем дальше мчался поезд на юг, тем более и более новые картины мелькали передо мной, жителем севера. Я по целым часам простаивал перед открытым окном вагона или стоял на площадке. С Малороссией и югом России я был знаком по книгам. Лунной ночью проехали Сиваш с его йодистым запахом. Около полночи прибыли на станцию Джанкой, где я слез, и до утра пришлось ждать поезда на Феодосию. Уснуть не пришлось, так как не было положительно места на вокзале.

В 8 часов утра тронулся поезд в Феодосию, сразу ворвался степной пахучий воздух, пахнувший полынью, не прошло часу, как справа в голубой дымке показались горы Тавриды... Я полной грудью вдыхал ароматный воздух, и чем дальше, чем ближе к морю, тем воздух становился легче. В Феодосию приехал поздно вечером – и прямо в Европейскую гостиницу, где и заснул крепким сном.

Утром проснулся – и прямо на балкон, и впервые увидел южное море... Краски водного пространства были поразительны: они менялись ежеминутно от светло-голубой до темно-синей с лиловыми пятнами. Это было 24 июня 1893 года.

Виленский пехотный полк был в лагере в трех верстах от города по Старокрымскому шоссе. Я явился командиру полка полковнику Иваницкому, который приказал зачислить меня в 13-ю роту к капитану Степану Львовичу Романовскому и назначил начальником охотничьей команды на основании аттестации из Нежинского полка. На другой день я перебрался в лагерь в полотняную палатку. Меня все радушно приняли. Первыми друзьями моими были капитан С. Л. Романовский, подпоручик А. П. Клюев, *В. П. Змейцын* и капитан К. И. фон Гард. Быстро старшим представился, с младшими перезнакомился, и через неделю я в полку был свой человек.

Феодосийские горы, хотя и невысокие, но меня, особенно ночью, как бы давили, и это продолжалось долго.

Служба моя пошла тем же темпом, как и в старом полку. В обучении охотников я принял свою старую программу и систему. Начальство скоро увидело успех и выразило мне благодарность. Здесь было два новых для меня отдела: морской и конно-ординарческий, но и они скоро мною были усвоены, и обучение быстро у меня наладилось.

Несколько дней спустя после прибытия в лагерь, до обеда, вздумалось мне взойти на Лысую гору, у подошвы которой был расположен лагерь полка; день был ясный и жаркий, добравшись до вершины, я снял китель и, присев на камень, залюбовался новой для меня картиной... Любовался не больше как полчаса, встал, надел китель и спустился с горы. На другой день, ровно в то же время, т. е. перед обедом, появился озноб и лихорадка, и промучила часа два и прекратилась... Ровно пять лет до отъезда моего в Порт-Артур ежедневно в одно и то же время меня мучила «крымская» лихорадка.

В июле месяце полк был распущен на «вольные» работы, и мы с подпрапорщиком Валерием Павловичем Змейцыным в одно раннее утро с котомками за плечами, с биноклями через плечо и с палками в руках вышли из лагеря на экскурсию по маршруту Коктебель – Кизилташский монастырь – Отузы – Судак – Сууксу – Старый Крым и лагерь полка. Никогда не забуду лунную ночь в Коктебеле, полдень в Кизилташском лесу у памятника убитому татарам из Отуз игумену Парфению, вечер и лунную ночь в Судаке и утро в горах в Сууксу... Нет сил описать всю прелесть картин. Недели через две мы повторили, но порядок маршрута был обратный, в Старом Крыму к нам присоединился капитан К. И. фон Гард. Ночевали в Топловском монастыре, ранним утром на другой день пили кофе у муллы горной деревеньки в его садике при розовом восходе солнца... Картина неопишима. Заблудились в горах и еле вышли к д. Таракташ, прошли мимо скалы Алима-разбойника и ночевали в Сууксу, [в] имении графа Мордвинова. Быстро пролетели дни вольных работ, маневры были частями полка в окрестно-

стях г. Феодосии, и лагерное время кончилось. Полк разошелся по казармам, а я с охотничьей командой и моим помощником подпрапорщиком В. П. Змейцыным остались в лагере, заняв дом полкового околотка, построенный по-зимнему из саманных кирпичей, с печами, но зимой оказавшийся очень холодным. Скучно было нам среди голой степи.

За лето я успел познакомиться в городе с полковником пограничной стражи Георгием Нозловичем Перионом, женой его Верой Николаевной, детьми их – Натальей, Аллой, Любовью и Михаилом; полковником Михаилом Ивановичем Петровым, с директором мужской гимназии Василием Ксенофоновичем Виноградовым, женой его Марьей Семеновной, Иваном Константиновичем Айвазовским, Степаном Емельяновичем Мурзаевым, с семействами Дуранте, Грамматикова, Ламси и другими. В Феодосии существовал артистический кружок, и меня как любителя привлекли. В кружке составила веселая компания: Кальмейер, Полевой, Редлих, Змейцын и я, все были хорошие исполнители и без всяких претензий относительно ролей, но каждую роль отделявали на совесть, вследствие чего мы были необходимы как воздух, без нас не игралась ни одна пьеса. Мы были общими любимцами общества. Хорошо играли на сцене Перионы, Петров, Дуранте, Бурхановская, Воинова, Волк-Ланевская. Нас со Змейцыным изводили репетиции, с которых приходилось ночью, иногда по невылазной грязи, тащиться из города в лагерь четыре версты... Но мы шли и играли, а то можно было с ума сойти. Занятия с командой велись в поле, людей обучил, и команда всех отделов была образцовая. На охоту на коз, лисиц ходили в горы, в Старый Крым и в Суук-Су. Под Рождество мы со Змейцыным к всенощной пошли в город в полковую церковь, и, идя обратно, нас застиг снежный буран, и мы два часа блуждали по степи около нашего лагеря, до слез было больно нам одиноким... но добравшись до дому, мы вознаградили себя и питьем, и яствами. Зимой морозов ниже -10° не было, но изводили северо-восточные ветры, пронизывающие насквозь, из нашего саманного дома выдувалось все тепло, и нередко было в нем -3° , вот тебе и юг... Мы спали под шубами. Особенно бурными были ноябрь и февраль месяцы.

1894

Весна 1894 года наступила поздно, по-крымски, в марте было еще холодновато, но все-таки у нас в лагере стало веселее, степь стала покрываться цветами шафрана и полыни – воздух стал легкий и душистый. Начались стрельбы, а в середине апреля полк вышел в лагерь, и мы перешли в палатки, зима была позабыта. Удобство лагеря было – это то, что в лагерь была проведена вода из городской магистрали, идущей мимо лагеря, из имения И. К. Айвазовского Шах-Мамай, в город, это в Крыму великое благодеяние: солдаты мыли белье, сами умывались, и даже мылись сколько было угодно; это мы оценили в Севастопольском лагере – когда струя в палец толщиной на три полка, когда люди не умывались по 3–5 дней, и в полках было по 500 человек больных трахомой... А у нас перед лагерным собранием здесь бил фонтан на три сажени вверх. Лето прошло весело: после занятий ездили на длинной линейке в тройку лошадей купаться в море к вокзалу, купанье было чудное, а вечером ездили в город на музыку на бульвар, где много гуляло хороших барышень, из них выделялись Феня Макарова, Тася Мосаковская, Леля Дуранте, Аня Крым, Соня Грамматикова, и много других, приехавших на морские купанья. Был фонтан Айвазовского и при нем кофейня и шашлычная, где можно было съесть чудных шашлыков, выпить пива или турецкого кофе, и все это было баснословно дешево – как раз по офицерскому карману, я получал тогда 53 руб. 50 коп., и на все хватало. В Феодосии в это время строился порт, и одним из инженеров был В. Н. Чаев из Рязани, но я редко бывал у него. Часто были мы со Змейцыным у Перионов, которые радушно относились к нам. Быстро прошло лето, настал сентябрь месяц – самая лучшая часть года в Крыму «золотая осень», и именно: и золото фруктов, и золотое освещение солнца. Зимовать опять в лагере я не решился, и по рекомендации поручика Алексея Александровича Емелина

я нанял комнату со столом у отставного прапорщика карантинной стражи Тараса Федоровича Кравченко за 25 руб. в месяц; домик его находился в Карантинной слободке, на горке около одной из Генуэзских башен, с терраской, с видом на весь город, порт и бухту. Семья состояла из Тараса, как его называли все офицеры полка, 79 лет, слепого, но пьющего еще водку, жены его – Настасьи Васильевны 65 лет, и двух ее сестер – Полины Васильевны 63 лет и Катерины Васильевны 60 лет, все они составляли кунсткамеру по своей старости, но люди были добрые и крайне гостеприимные. Я жил у них пять лет, как у родных. Готовили они восхитительно, особенно греческие и малороссийские блюда. Осенью засаливалась огромная бочка огурцов, помидоров и перцу, затем бочонки «керченской» селедки, вся эта благодать была чудной закуской под водку, особенно «керченская» селедка с вареной картошкой... У меня часто собирались капитан фон Гард, поручики Емелин, фон Зигель, прапорщик Змейцын и другая братия, хорошо проводили время – теперь вспоминается. Под Рождество готовили знаменитую «кутью по-гречески» с постными ужином и закусками. Часто готовили, особенно весной, из молодого барашка шашлыки и чебуреки...

Охотничья команда стояла за городом в Рожновских казармах, для конных ординарцев были отличные конюшни, а для шлюпок и ботов морского отдела – удобная стоянка у поста пограничной стражи. На занятия офицеры ездили на линейке, которая подавалась к 7 часам утра, к фонтану Айвазовского, а в 7½ часов отъезжала в Рожновские казармы, и она же привозила офицеров обратно. Ехали офицеры с песнями и пели очень недурно, любимый был тогда мотив – вальс «Морго». Из полковых «типов» были Саса Александров, Миша Катаев, Папан-допуло, но это были офицеры-лодыри.

Зима 1894–1895 годов прошла весело в спектаклях и вечерах. Феодосийское общество было хорошее во главе с И. К. Айвазовским, который относился к офицерам очень хорошо: принимал у себя, руководил наших полковых «вятских» художников в живописи; мы удивлялись, как ему не надоело возиться с ними. Я держался, как всегда, золотой середины и не напрашивался на приглашения, но были офицеры, которые «втирались» в общество, как-то Толпыго, Свержбинский, Дурасов, играя роль «золотой молодежи» града Феодосии.

1895

Весной 1895 года в апреле я был командирован в Севастополь для разбивки лагеря, на продолжение лагеря 1-й бригады 13-й пехотной дивизии. Первый раз проехал на пароходе вдоль Южного берега и был очарован. Лагерь был мною разбит, но полк остался в Феодосийском лагере, и я с командой возвратился в Феодосию. На обратном пути меня так укачало на пароходе, что в Феодосию приехал пластом... все имеет обратную сторону.

Лето прошло в стрельбах и смотрах высшего начальства, а в конце августа выступили походным порядком в Севастополь по маршруту Старый Крым – Карасу-Базар – Зуя – Симферополь и Севастополь. От Феодосии до Зуи исполнялись маневры – частями полка, от Зуи до Симферополя – частями бригады, а от Симферополя до Севастополя – частями дивизии. Моей охотничьей команде пришлось работать много, и работала [она] на славу: умело, толково и быстро. На маневре под Севастополем, благодаря действиям моей команды, 2-й бригадой был блестяще выигран ночной маневр, и командир 7-го корпуса, генерал-лейтенант Дукмасов, гроза корпуса, пришел в восторг от действия моей команды. Во время стоянки в Севастополе я со Змейцыным осмотрели всю линию обороны, Херсонский монастырь, музей, собор, церкви и братское кладбище. Нет слов того глубочайшего умиления, овладевшего при виде исторических мест и священных реликвий осады Севастополя; Малахов курган тронул меня до слез; могила адмиралов во Владимирском соборе заставила преклонить колена...

Обратно в Феодосию полк возвратился по железной дороге. Приятно было возвращаться на покой – отдыхали две недели. Составилась компания «купальщиков»: Емелин, фон Зигель, Фомин, Змейцын и я, купались до 15 октября я...

Выскакивали из воды как из огня, быстро одевались – и в портовой ресторанчик грека Никола Панели, который неподражаемо готовил рагу из баранины – 20 коп. глубокая тарелка, как вкусно было это рагу под рюмку водки... да еще после купания. После основательной закуски с водкой переходили на белое вино «Рислинг» виноградников Подобедова – 40 коп. за бутылку, и непременно с устрицами мыса Святой Анны; каждый съедал по 100–200 устриц с лимонным соком. После сего самочувствие было чисто ангельское... Так жили мы в Крыму.

Зимой охотничьей командой было сделано несколько больших охот «загоном» в окрестностях Старого Крыма, из Симферополя приходила охотничья команда 51-го Литовского полка. Спектакли и вечера шли своим чередом. В Феодосии был открыт памятник императору Александру III как основателю порта и благосостояния города. У И. К. Айвазовского, на Масленице 1896 года, состоялся гранд-бал со спектаклем с пьеской «Жмурки», где я играл роль маркиза с тремя хорошенькими барышнями. В костюме маркиза я был снят, и фотография разошлась в большом количестве.

В апреле месяце я был опять командирован в Севастополь – возобновить разбивку лагеря и поставить палатки с постройкой необходимых кухонь и прочих хозяйственных построек. Мною было выполнено, и полк прибыл в лагерь Севастополя. Плохо было в Севастопольском лагере: воды мало, пыль известковая страшная, жара от скал Сарданавиной балки невыносимая; результаты: больных трахомой глаз более 500 человек, и от брюшного тифа умерло более 50 человек. Мы были страшно недовольны и вспоминали свой Феодосийский лагерь.

После лагерного сбора последовали маневры частями дивизии, применительно к Севастопольской кампании, в окрестностях Балаклавы.

Из выдающихся событий за время лагерей было торжество священного коронования их величеств. Празднества в Севастополе прошли блестяще, особенно красив был Черноморский флот. Невольно мне вспомнился 1894 год, 21 октября, 10 часов вечера, когда в феодосийском порту показался военный транспорт «Днестр», а через час я и еще пять офицеров получили [приказ] экстренно собраться и явиться на транспорт в 12 часов ночи для отправки в Ливадию, держать посты у гроба императора Александра III. В пять часов утра мы уже ехали по ялтинской набережной в Ливадию, с 9 часов стояли при гробе императора, и я тогда увидел всю семью. Трогательно было видеть императора в гробу, много видел неподдельных народных слез при прощании простого народа ночью в Ливадийском соборе. Перенос тела на крейсер «Память Меркурия» и его отплытие из ялтинского порта не поддаются описанию.

1896

Зимний сезон *1896/7 годов* я усиленно ухаживал за барышнями, а особенно за Феней Макаровой и Тасей Мосаковской, но кому из них отдавал предпочтение, я и сам не знал...

Спектакли, вечера, посещения знакомых шли своим обычным порядком, время летело как стрела, не было ни забот, ни горя, ни зависти – был вполне доволен своей судьбой, но было одно неприятное обстоятельство: застой в винопроизводстве и в движении по службе; ведь года шли, я поручиком восемь лет, а надежды к производству и не видно – я в полку чуть ли не 12-й поручик и лет от роду 35-й год... Явилась мысль уходить за чинами на Дальний Восток, мысль эта засела гвоздем... Стала омрачать Крымское счастье. В конце года я частенько стал бывать в семье начальника Феодосийского карантинного округа Семена Спиридоновича Мосаковского, у которого были два сына – Вячеслав и Владимир, три дочери – Ольга, Наталья и Людмила, всех интереснее была Наталья (Тася). Меня принимали очень хорошо, «видов» на что-либо не показывал, да так и было, Феня Макарова была куда интереснее их. Как мы ценили, [что] жен-

ский элемент показывает то, что бывало на репетициях; мы заранее улаживались по окончании репетиции, [и] вместо того чтобы проводить дам, удирали через пожарный ход в ресторан нашего Пантели; дамская группа шла домой по одной стороне высокого бульвара, а мы шли в ресторан по другой стороне, закрытые насыпью бульвара.

Весной ходили за фиалками в кизильник, катались на нашей парусной шлюпке «Ласточка» и раз чуть не утонули, ездили большой кампанией в Кизилташский монастырь, где влезали на среднюю скалу с крестом. Наша группа офицеров ездила на именины поручика Владимира Ивановича Фомина, в его усадьбу с виноградниками в Отузы, где провели весело время. Вообще жилось весело, но что же дальше? Хорошо было офицерам – местным уроженцам, которым чинов и движения по службе не надо было, ибо у каждого из них был или домик, или виноградничек, или просто сарай, которые они сдавали в аренду за очень высокие суммы и жили припеваючи, как то: Александровы, Фомин, Толстовы, Тренин и Лилевр, но мне нужно было подумать.

Из командиров батальонов выделялся подполковник Коробко, про которого офицеры говорили: «Коробко пьет не робко», бывший гвардейский офицер Егерского полка, был переведен на Дальний Восток, где про него и его друга Алмазова сложились легенды... и оттуда был переведен в Крым в Виленский полк; он страдал «запоем», когда не пил – был толковый, умный и дельный штаб-офицер, но в «запое» обращался в животное; запой обыкновенно начинался с красного вина, количество которого постепенно увеличивалось, переходил на водку, которая доходила до четверти в день, он запирался в комнате и кричал: «Я казак!»... Проходило две недели, и он делался трупом, труп подымали, обмывали, давали вылеживать дня три, и вновь нам являлся настоящий Василий Федорович Коробко, строго-придирчивый начальник. Начальство ему прощало – видимо, у него была в Петербурге «большая рука». Был в полку подполковник Симонов, человек недалекий: поручик Фомин, его друг-приятель, учил его говорить по телефону, взявши разговорную трубку телефона в рот!.. Но ничего не выходило... Был подполковник Василенко-Иваницкий, очень умный и толковый, и богатырь; у него во время лагеря ежедневно в ротном котле на веревочке – язык, который ему подавался после утренних занятий, горячий, разварной, и он выпивал большую винную рюмку водки, закусывая большими кусками языка с громадными помидорами, если случался гость, то и он угощался.

Полк был еще с кавказскими традициями, был образцовый по порядку, стрельбе, выучке и в походах по горам неутомим. Вообще, полки 13-й пехотной дивизии и 4-й стрелковой бригады⁵⁰ (Одесса) дали чудный элемент для образования на Квантуне 3-й Сибирской стрелковой дивизии, доказавшей доблесть во время Русско-японской войны. Между офицерами полка была дружба и товарищество. Из выдающихся офицеров были: капитаны Киселев, Кугаевский, Ивановы два брата, Ильгард, Сипачев, Вержховецкий, Романовский и фон Гард, поручики Калмыков, Саламатин, Емелин, Тренин, подпоручики Змейцын, Толстов, Рымша, Азарьев, Свержинский и Клюев. 1-я Его Императорского Высочества рота содержала постоянный караул в Ливадии, а потом ежегодно чередовались первые роты батальонов. Офицеры этой роты получали высочайшие подарки.

Командиром корпуса весь южный (горный) Крым был разбит на маршруты, каждый маршрут имел номер, и по телеграфу охотничьи команды корпуса исполняли данный номер маршрута. Все маршруты проходили через г. Симферополь (штаб корпуса), где всегда была дневка и личная поверка командиром корпуса команд и журнала занятий. Я всегда получал благодарность за свою команду.

⁵⁰ 13-я пехотная дивизия: полки 49-й пехотный Брестский, 50-й пехотный Белостокский, 51-й пехотный Литовский, 52-й пехотный Виленский. 4-я стрелковая бригада: 13–16-й стрелковые полки.

1897

Наступил *1897 год*, служба шла прекрасно, ухаживал за Феодосией Антоновной Макаровой на страх врагам, но без всяких грязных мыслей... отношения были кристально чисты. Она была в 7-м классе гимназии, но училась неважно. Весна и лето промелькнули стрелой.

Осенью были интересные маневры: наш Виленский полк был посажен на суда и изображал десант, который должен высадиться около крепости Севастополь, а гарнизон ее должен не прозевать. Мы высадились в Камышовой бухте. Волшебная была картина хода нашей эскадры ночью и высадка утром. Во время стоянки я посетил английское, французское и итальянское кладбища, побывали в Балаклаве и поели султанки в сметане... Возвратились в Феодосию, пошла та же жизнь беспечности и веселья. Я любил бурю в море; я любовался с мола на ад – волны, ударившись о мол, вздымались вверх на 3–5 саженей, картина потрясающая. Особенно мрачно-красивы были прибои в ноябрьские ночи, во время бури не было возможности пробраться к маяку, но в тихие лунные ночи у маяка было поэтическое местечко для влюбленных: небо и море сливались в голубом эфире... рука с рукой, и уста сливались в один бесконечный поцелуй... а вдали с бульвара неслись волшебные звуки вальса, смягченные пространством... хорошее было время.

Из феодосийских событий было торжественное празднование 50-летнего юбилея художественной деятельности И. К. Айвазовского. Много съехалось художников и делегаций от художественных обществ почтить маститого художника моря, которое, во время раута у самого Айвазовского, представляло волшебную картину при лунном освещении с балкона его дома, сам Иван Константинович обратил на это внимание гостей.

С прошлого 1896 года внимание всех было обращено на постройку Великого Сибирского железнодорожного пути, а в конце текущего 1897 года секретно в военных сферах прошел слух о предстоящих сформированиях новых стрелковых частей для Дальнего Востока. Я заволновался, заинтересовался и скоро узнал, что будут требовать «выдающихся» по службе офицеров на Дальний Восток. Я написал письмо начальнику штаба корпуса генералу Экку, и он вскоре вышесказанное подтвердил и обещал похлопотать обо мне, но я держал это в секрете ото всех положительно.

1898

В первых числах января *1898 года* у С. С. Мосаковского случилось большое горе: старший сын Вячеслав, студент Военно-медицинской академии, мой друг, умер от тифа, приехавши уже больным на Рождество домой. Горе отца было глубокое – он был его любимец и надежда.

От нашей 13-й дивизии в январе потребовано только два офицера на Дальний Восток. Я 8 января 1898 года подал рапорт о переводе меня. Все крайне удивились. Были выбраны командиром корпуса Белостокского полка – поручик Гусев и Виленского полка – я, но время отъезда было неизвестно, и скоро как-то заглохло, я потерял надежду. В начале марта вдруг, неожиданно, пришел секретный приказ о выделении целой роты в полном составе (пять офицеров) на формирование 2-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, вот поднялась буря в полковом стакане... никому не захотелось покидать милый Крым. Я оставался как уже назначенный. Из командиров рот заявил желание командир 2-й роты капитан Самсон Александрович Иванов. Число офицеров уменьшили на одного, следовательно, надо было еще двух офицеров. Командир полка решил произвести жеребьевку. Все офицеры полка были собраны в полковом собрании... многие были бледны и волнующиеся... Командир полка обратился с речью к офицерам, в которой высказал, что мы должны жертвовать для пользы Родины всем... Послед-

ний раз обращается: «Кто желает сам?» Настала тяжелая минута, много стояло с побледневшими лицами, и вдруг раздались два «я»... Все невольно повернули головы, то были подпоручики Александр Александрович Тимошенко и Валерий Павлович Змейцын. Все вздохнули глубоко – жертвы принесены...

Свыше было приказано нижних чинов выбрать самых лучших во всех отношениях, под личную ответственность командира полка. Все снаряжение и обмундирование новое. Винтовки лучшие по бою. Началось формирование роты и ее сколачивание. К 1 апреля рота была готова – она была образцовая. Охотничью команду я сдал. В городе только и было разговоров о нас. Ожидалось романтическое похищение «сабинянок»... из Крыма на Дальний Восток.

Наши друзья мне и Змейцыну устроили несколько прощальных обедов и ужинов, пили за наше здоровье и желали здоровья и успехов. И. К. Айвазовский непременно хотел меня видеть перед отъездом. Мои хозяева горевали о том, что я их покидаю, ведь я прожил у них пять лет.

Наши «симпатии» из барышень искренно горевали и тайно проливали слезы и получали неочередные «двойки».

Быстро мы, офицеры, собрались. Грузы роты были готовы. Ждали только приказа и наряда эшелона поезда для переезда в Севастополь, а оттуда на пароходе в Одессу, где предназначено формирование полка из выбранных рот полков 4-й стрелковой бригады и 13-й пехотной дивизии. Мы крайне удивлялись, что погрузка на пароход не назначена в Феодосии, и скорее, и удобнее. Погрузка, наконец, была назначена на 10 апреля, а посадка роты – 12 апреля в 3 часа ночи, и отход поезда в 4 часа утра.

11 апреля в 5 часов вечера, около полковой церкви, был отслужен напутственный молебен, и рота под звуки марша с криками «Ура!» двинулась в Рожновские казармы, где был приготовлен парадный ужин и угощение для нижних чинов. Полковой парадный ужин для офицеров был приготовлен в полковом собрании. Задушевно нас проводили полковые товарищи, каждому из нас преподнесли ценные подарки. В час ночи мы и все офицеры полка на поданном к городской станции специальном поезде отбыли на главную, загородную, станцию. На вокзале были уже наши городские знакомые и наши «барышни симпатии»... много слез в ту ночь пролито. Ровно в 3 ч 30 мин утра при громовом «ура!» тронулся наш поезд. Мы усталые улеглись спать. Поздно вечером мы были в Севастополе. На станции Симферополь нас приветствовал от имени командира корпуса начальник штаба корпуса генерал «Экк, хороший человек», я просил его передать привет от себя лично командиру корпуса. Он обещал.

В Севастополе командир роты поручил мне нагрузку на пароход Русского общества⁵¹, и я с утра приступил, к вечеру нагрузка грузов и посадка людей была окончена. Днем в Севастополь прибыл командир корпуса и осмотрел роты дивизии, входящие на Дальний Восток. Спросил, где я, и просил передать его наилучшие пожелания. В 10 часов вечера пароход отплыл из Севастополя в Одессу. Море было спокойное. Долго, за полночь, длилась наша товарищеская беседа – вспоминали и всех, и все.

Около полудня показалась Одесса, и скоро наш пароход пристал к пристани Русского острова, быстро высадились наши солдатики и направились в Сабанские казармы, где был уже штаб 11-го полка с временно командующим полком подполковником Рябининым (58-го Прагского пехотного полка⁵²). Грузы роты также были перевезены в цейхгаузы Сабанских казарм. Через два дня прибыл назначенный командир полка полковник (36-го пехотного Орловского полка⁵³) Павел Каэтанович Домбровский, герой Шипки, георгиевский кавалер. Полк в полном 8-ротном составе ему представил на Куликовом поле полковник Рябинин. Не с молитвы начался полк, а с ругани: полковник Домбровский ни за что разнес полковника Рябинина и раз-

⁵¹ Имеется в виду Русское общество пароходства и торговли (РОПиТ).

⁵² 58-й пехотный Пражский полк. Старшинство с 14 февраля 1831 года. Полковой праздник – 6 декабря.

⁵³ 36-й пехотный Орловский полк. Старшинство с 19 февраля 1911 года. Полковой праздник – 6 декабря.

ругал солдат, все сразу поняли «собачий» характер своего командира полка, а так как физиономия его походила на обезьянину, то и прозвали его Яшка-обезьяна, так он начал «Яшкой», так и кончил «Яшкой». Много на этой почве было впоследствии и смешного, и горького. Я как старший поручик был назначен командиром нестроевой роты, сколько перенес я горя от этого «собачьего» характера, один Бог знает... В 1902 году в Порт-Артуре мы так и расстались врагами.

С помощью командира нестроевой роты 16-го стрелкового полка⁵⁴ сделал смету на покупку самых необходимых инструментов для всех мастерских полка и необходимых, на первое время, материалов на сумму 3500 руб., а мне дали 1000 руб., и хватило же мы горя в пустынном Талиенване... но виновным остался я один.

Формирование полка было окончено 26 апреля. 28-го началась погрузка на пароход «Скандия» Американо-Гамбургской компании. Все грузы, все нижние чины и две трети офицеров были помещены на этом пароходе, в нижнем трюме были засыпаны пшеницей шесть 11-дюймовых орудий и наши винтовки в ящиках. Остальные офицеры полка ехали на пароходе «Владимир».

3 мая, после молебна на «Скандии», в присутствии командующего войсками генерала Мусин-Пушкина, в 3 часа пополудни пароход под звуки марша и при громовом «ура!» тихо стал отходить от Военного мола Одесского порта. При заходе солнца скрылись и берега дорогого юга России... мы держали курс на Константинополь. Уснули усталые под мерный стук винта парохода, и «снился мне сияющий огнями вечерний пир в родимой стороне»...

Следующий день прошли в открытом море – небо и вода.

Около 3 часов дня «Скандия» остановилась перед входом в Босфор, с батареей на нас смотрели 11-дюймовые орудия, вскоре прибыли турецкие чиновники и лоцман. Мы тронулись, справа потянулись дачи и виллы, слева раскинулось Скутари, облитое розово-золотистыми лучами заходящего солнца. На золотом фоне вечернего неба резко выделялась Святая София. Босфор был густо-синим, и я теперь не удивлялся краскам на картине И. К. Айвазовского «Дарданеллы». Мы тронулись очень скоро, дабы до окончательного захода солнца дойти до выхода в море.

Мы проснулись. «Скандия» стояла на якоре. На море был туман, впереди нас были видны белые суда турецкого флота. В 8 часов был поднят флаг, и «Скандия» тронулась, проходя мимо военных турецких судов, троекратным приспускиванием кормового флага отдала честь турецкому флагу. Босфором и Дарданеллами шли небыстро. Выйдя в Средиземное море, «Скандия» пошла полным ходом.

Пароход оказался сильным и быстроходным, делали примерно 15–17 узлов в час. Море было восхитительного светло-голубого цвета. Шли около пяти суток до Порт-Саида, прошли в виду островов Тенедос, Исара, Пикария и Родос, но все они были в голубой дымке.

На пароходе быстро все семейства перезнакомились, детворы ехало порядочно. Ехали на «Скандии» семейства Пушкарского, Здетовецкого, Иванова, Кирилленко, Гейкинг, ехали молодожены Яновские, врач Крылов и старожены Азарьевы. Нас, холостых, загнали в носовые служебные каюты, но мы воспротивились и заняли спардек по правому борту, разложив свои «гинтера»⁵⁵ на открытом воздухе, потом отвоевали у дам и верхний салон, мужья вздумали протестовать, но мы сказали, что здесь не казарма, а мы не собаки, и те успокоились... Хотя дамы долго косились, особенно на меня как на зачинщика «бунта», и в отношения мои к командиру полка подлито было маслица. Надо сказать, наш «Яшка» был не прочь поухаживать

⁵⁴ 16-й стрелковый полк. Старшинство с 18 июля 1845 года. Полковой праздник – 18 июля. Полное название (со 2 ноября 1894) – 16-й стрелковый императора Александра III полк.

⁵⁵ Имеется в виду «чемодан-кровать», изобретенный поручиком 66-го пехотного Бутырского полка И. И. Гинтером и принятый русским интендантством в 1890 году. Пользовался очень большой популярностью. Фамилия изобретателя стала использоваться как название.

за дамами полка, и впоследствии вышло немало грязных историй в полку на этой почве... я был один из явных протестантов подобных безобразий.

В Порт-Саиде грузили уголь арабки и арабы, как черти шли вереницей, таща уголь в маленьких корзинках. Накупили разных фотографий, безделушек, послали письма, открытки и телеграммы в Россию; у меня как предусмотрительного человека был штемпель по-французски «Руссия», и я ставил всем на конвертах свой штемпель и знал, кто и кому посылает весточки... В Порт-Саиде простояли 8 часов. Проплыли мимо памятника Лессепсу⁵⁶ – сооружителю Суэцкого канала, втянулись в канал и на первой станции остановились, где под бушприт⁵⁷, на носовую часть, повесили будочку с прожектором, и когда дошла очередь до «Скандии», пустили по каналу. Пароход шел тихим ходом. Красивую картину представляет канал ночью с идущими один за другим пароходами, посылающими вперед себя сильный электрический луч прожектора. Я долго сидел на носу парохода и любовался на вид канала. На другой день для наших дам было создано подпоручиком Лазаревичем развлечение: на берегу канала стоял совершенно голый молодой араб, Лазаревич бросает ему серебряный полтинник и кричит «бакшиш», араб поднимает полтинник и бежит за пароходом, и уже начинает понемногу отставать, тогда Лазаревич опять кричит «бакшиш» и бросает еще полтинник, и так несколько раз; приглашенные на спардек дамы хохотали до слез... Врач А. И. Иванов бегущего араба снял фотографическим аппаратом. Иногда вдали показывались караваны верблюдов. В озере пароходы расходились со встречными, идущими из Суец в Порт-Саид. В Суец «Скандия» простояла часа два для сдачи прожектора. Мы вступили в Красное море, и многие как бы замечали красный отблеск на мелких волнах. Море было спокойно. На второй день нас встретил маленький английский крейсерок, который флагами опросил «Скандию»: какой нации, откуда, куда, какой груз, и, видимо, удовольствовавшись ответами, вскоре скрылся позади нас. Иногда наш пароход шел в виду берега, и мы в бинокль могли видеть пальмовые рощи и селения. В проливе, при выходе в океан, мы увидели на рифах разбитый огромный пароход. В Аден мы не заходили. Индийский океан был спокоен, но волны были огромные, но пологие, так что мачты впереди идущего парохода скрывались на три четверти длины, видна была только верхняя часть мачты. В океане я впервые увидел созвездие Южного Креста. День равнялся ночи, и ночь наступала быстро и резко.

Во время пути я внимательно присмотрелся к публике и узнал закулисную сторону многих дам. Одной из них я, шутя, сказал: «Не хотите ли, я Вам погадаю на картах о будущей жизни на Дальнем Востоке?» – та, разумеется, с радостью согласилась, и, расположившись на спардеке, разложив карты и зная кое-что, я начал околесицу, моя дама и уши развесила... И скоро слава моя загремела между дам, чем я и воспользовался: требовал за гадание бутылку гамбургского пива со льдом, в тропиках я много выпил пива. Наша молодежь была отчаянная, Лазаревич и К° ночью опускались на канате за борт к иллюминатору ванной комнаты и наслаждались «купанием» наших молодоженов... И это в океане, на полном ходу парохода! В океане нас еще встретил английский крейсерок, опять опрос флагами, но на этот раз повернул и пошел «Скандии» наперерез, наш капитан-немец разозлился, приказал усилить топку и дал ход выше полного, крейсерок тоже прибавил ходу, но часа через два отстал и скрылся за горизонтом. Пароходов встречалось мало – за день два-три, и всегда отсалютовывали друг другу. Кормили нас не очень хорошо, большую часть консервами, и запас воды был плох – вода была ржавая от баков, и мы не могли дожидаться Коломбо, где должны запастись свежими продуктами и водой. Наконец показались острова Мальдивы. Капитан парохода почему-то спустился к югу на градусов пять от постоянного курса. Острова были мелкие и низкие, так что маяк на одном из них казался построенным на подводной скале. Мы спали, как наша «Скандия» бросила якорь на

⁵⁶ Имеется в виду виконт Фердинанд Анри де Лессепс.

⁵⁷ Бушприт – горизонтальное либо наклонное рангоутное дерево, выступающее вперед с носа парусного судна.

бухте Коломбо. В 8 часов утра подняли флаг и вошли в небольшой порт недалеко от берега. Чудная картина тропического края была перед нами. Около парохода на длинных и узких лодчонках сновали мальчишки-сингалезцы и ныряли за брошенными серебряными монетами с парохода; потешно пели хором: «Та-ра-ра бумбия»⁵⁸, ударяя в такт локтем по боку. Пароход будет стоять 12 часов, а поэтому все сошли на берег и поехали в маленьких каретках в город.

Коломбо – небольшой красивый городок, весь в тропической растительности, с белыми зданиями и красной укатанной мостовой. Мы осмотрели со Змейцыным роскошный ботанический сад, музей, обошли город, видели английского гарнизона казармы и скрытую батарею в виде красивого сквера. Обедали в ресторане, но не понравилась английская кухня: курица с рисом, приправленная соусом «кюри»⁵⁹, обожгла весь рот и желудок, а говорят, что в тропиках такие блюда необходимы. Пароход до позднего вечера грузился углем, набирал воду, и привозили продукты. Офицеры накупили свежих ананасов, бананов и фрукт «маги» в игольчатой коже, но розово-нежный и вкусный. На пароходе факир показывал свои фокусы-чудеса.

Утром в 8 часов «Скандия» подняла флаг, проверили, все ли офицеры и нижние чины налицо, и пароход тронулся в путь. Поразительно был красив Цейлон с лесами пальм, с огромным прибоем у берега и вдали с пиком Адама в голубой дымке. Развешанные на спардеке ананасы распускали одуряющий запах до тошноты. Поручик Михаил Дмитриевич Лепилин накупил в Коломбо огромных, вершка четыре длины, сигар по копейке штука с таким противным запахом, что, как говорится, мухи дохли, а он курил взасос... Многие накупили себе белые костюмы и английские шляпы-шлемы и корчили из себя англичан; смеху было много...

Всех нас удивило это объявление при входе в Ботанический сад только на одном русском языке: «Воспрещается рвать цветы, ломать деревья и ходить по газонам», ведь только для русских... Но жена подполковника И. А. Гамбурцева⁶⁰, «недалекая» Анна Павловна, сорвала роскошный какой-то цветок и спрятала под шляпу своего маленького сына Буси... оправдала выставленное объявление.

Мы опять среди Индийского океана. Трогательно-величественно неслись из тысячи человек над вечерними волнами, после положенных молитв, звуки народного гимна «Боже, Царя храни», ощущалась сила и мощь России, чувствовалось, что едина глава в единении с единым народом. О силе, могуществе своего государства подданный может судить только вне его, когда столкнется с другими подданными за границей, вот тогда-то и видна сила и влияние твоего правительства. Пропать между 1898 и 1921 годами... Нас теперь презирают и преследуют даже китайцы...

Жара под тропиками была страшная – нам, офицерам и солдатикам, была выдана в Одессе тропическая одежда: белой парусины шапочка, куртка, брюки и туфли, мы спали совершенно голыми. На пути к Сингапуру ночью на пароходе случился пожар, но его быстро потушили, так бесшумно, что никто не знал.

Через пять дней после Коломбо мы прибыли в Сингапур. Долго наша «Скандия» тихо шла между островами, покрытыми роскошной тропической растительностью, и вот и сам Сингапур с пятиэтажными домами и желтыми индо-китайцами, воздух города насыщен каким-то пряным запахом. «Скандия» простояла целые сутки, и мы вдоволь погуляли по городу. Обедать зашли в ресторан «Полтава», хозяин которого оказался уроженец Полтавской губернии и угостил же он нас настоящим малороссийским борщом с кашей, варениками и вишневкой... Опять накупили ананасов, бананов и маленькую обезьянку. Дамы накупили каких-то бус из сильно пахнувшего дерева. Отплыли из Сингапура около 10 часов утра и повернули на юг

⁵⁸ Песенка парижских шансонеток ресторана «Максим», поистине завоевавшая в конце XIX века весь мир. Например, в «Трех сестрах» у А. П. Чехова доктор Чебутыкин напевает: «Тарарабумбия / Сижу на тумбе я, / И горько плачу я, / Что мало значу я...»

⁵⁹ Возможно, имеется в виду пряность карри.

⁶⁰ Вероятно, все же имеется в виду подполковник Петр Александрович Гамбурцев.

и, не дойдя двух градусов до экватора, взяли курс на северо-восток. Тропическая жара стала сказываться: в лазарете парохода лежало уже человек двадцать больных и двое очень слабых. Плавание стало томить, нервы стали пошаливать, и явилось какое-то недовольство друг другом: стали спорить из-за пустяков. Отличилась наша Анна Павловна своей глупостью: стоит она как-то на спардеке с Лазаревичем и томно спрашивает: «Скажите, пожалуйста, что это за черта как бы на море». «Это, это, Анна Павловна, тропик Рака, знаете, на глобусе такая черта выше экватора», – выпаливает Лазаревич. «Ах, скажите, пожалуйста», – томно говорит дама. Ну и хохотали же наши зубоскалы...

Проходя мимо Формозы⁶¹, нас изрядно покачало, так что я лежал пластом. Крен доходил до 15° в одну сторону, но, удивительно, качка на детей не оказывала никакого влияния.

Один из слабых больных солдатиков умер, не доходя Шаньдунского маяка, кормовой флаг сейчас же был приспущен. Флаг маяка, отсалютовав нашему, и тоже приспустился, пока «Скандия» не прошла две мили. Тело умершего зашили в тюфячную наволочку, к ногам привязали чугунный балласт, положили тело на доску, один край которой лежал на борту, священник отслужил панихиду, и при пении «Вечная память» подняли свободный край доски, и тело скользнуло и скрылось в морской пучине. Флаг подняли, и как будто ничего не было. Все волновались – скоро Порт-Артур... Как, что?

6 июня 1898 года в 3 часа ночи «Скандия» бросила якорь на рейде Порт-Артура. Мы с открытого своего спардека с восходом солнца в бинокли рассматривали пустынные возвышенности крепости. Наши дамы скоро повыскакивали и тоже напряженно всматривались, но ничего утешительного не видели... Скоро у многих дам на глазках показались слезы, и слышались упреки мужьям: «Куда ты меня завез?» Многие отвечали кратко: «На Квантун». В 10 часов утра прибыл на пароход генерал Волков, временный командующий отрядом. В 12 часов «Скандия» вошла в порт и отшвартовалась к набережной, а вечером все офицеры и дамы были приглашены генералом Волковым на обед, после которого открыт был бал, и наши дамы позабыли свое горе. Когда «Скандия» подтягивалась к набережной порта, то внимание всех обращала пожилая дама, сидевшая на канатах, это была «первая дама Порт-Артура» – жена почтмейстера Поспелова, таковой она считалась и впоследствии, адмирал Алексеев оказывал [ей] должное внимание на всех официальных балах.

На другой день от полка сухим путем были посланы квартиреры в м. Талиенван, а я начал выгрузку с парохода полковых грузов. Через три дня полк ушел сухим путем в Талиенван. Офицерские семьи были посажены на канонерку⁶² «Отважный» и доставлены в Талиенван. По выгрузке оказалось, что ящики с винтовками были в воде... и страшно заржавели... скандал большой.

«Скандия», разгрузившись, ушла во Владивосток для сдачи крепостных орудий.

Полковые грузы я грузил на большие китайские шампуньки⁶³ и отправлял морем в Талиенван. Подрядчиком по перевозке [был] купеза⁶⁴ Иван Иванович Тифонтай⁶⁵. В Талиенване уже распоряжался заведующий хозяйством подполковник В. И. Туркул⁶⁶. Вся тяжесть формирования хозяйственной части досталась мне.

⁶¹ Формоза – колониальное название о. Тайвань.

⁶² Канонерка – класс небольших боевых кораблей с мощным артиллерийским вооружением, предназначенных для боевых действий на реках, озёрах и в прибрежных морских районах, охраны гаваней.

⁶³ Шампунька – небольшая китайская весельная лодка, служащая для перевозки людей и багажа внутри гавани.

⁶⁴ «Купеза» – купец. «Подстраивание» под китайское произношение русского слова, распространенное на Дальнем Востоке.

⁶⁵ Имеется в виду Николай Иванович Тифонтай.

⁶⁶ Возможно, имеется в виду Владимир Андреевич Туркул.

Крайне необходимы были умывальники, пирамиды для винтовок, столы, скамейки, кадки, ведра, а материалов не было и негде достать – командир полка винил меня, когда же я говорил, что все это было предвидимо в моей смете, представленной в Одессе, то он начинал кричать с пеной у рта... Все материалы, до леса включительно, доставлялось из Владивостока по страшно высоким ценам. Главное горе было с водой – в сыром виде это был яд: дизентерия косила людей, трудно было убедить солдат не пить сырой воды. В августе 1898 года в полку умерло от одной дизентерии 48 человек. Жары стояли до 35° по Реомюру⁶⁷, пить теплую переваренную воду было противно. Дизентерия здесь была особенная – «сверлящая», т. е. желудок и кишки язвами разрушались совершенно, спасения не было.

Первые дни пребывания полка в Талиенване омрачились самоубийством полкового адъютанта подпоручика Пиотух-Кублицкого на романической почве с госпожой Азарьевой... Могу теперь сказать, что, прожив в тесном соприкосновении с полковой жизнью, я «Поединок» Куприна не считаю пасквилем на офицерскую жизнь, а прямо фотографический снимок. Истории И. с П., А. с И.-Н., В. с П., Д. с Р., А. с Б., А. с С., К. с Л., С., З., В., Г. с С., З. с Л. и т. д. в конце концов так и называли: «Дама из Талиенвана». Сам командир полка Д[омбровский] показывал пример.

Полк расположился: штаб и 1-й батальон в Минном городке, 2-й батальон и учебная команда в импани⁶⁸. С нами расположилась прибывшая в августе 1-я батарея 3-й Восточно-Сибирской стрелковой артиллерийской бригады, которая заняла дальнюю импань.

Сам Талиенван – грязная китайская деревня с двумя улицами, названными Александровская и другая – Ни колаевская. От океана деревня закрывалась возвышенностями, по которым были расположены три форта, разоруженные и разрушенные японцами в 1895 году⁶⁹. На господствующей высоте на высоком флагштоке развевался огромный Андреевский флаг⁷⁰, и был при нем, в землянке, караул, который наблюдал за морем. Наблюдение за исправностью флага и землянки было возложено на меня. Наши стрелочки не понимали святости флага и позволяли себе вытирать [им] лицо и руки после утреннего умывания. Я оказывался виновным в этом, как будто я их воспитывал, разумеется, я командиру полка давал надлежащую отповедь. Особенно несправедливо-неприязненно относился полковник Домбровский к Туркулу, Пушкинскому, Гусеву, Иванову, Гейкину, Лепилину и ко мне, но все мы были службисты. Капитан Азарьев образовал в полку «стрелковый» кружок и вертел командиром на «дамской» почве. В батарее оказался мой старый знакомый по 35-й артиллерийской бригаде (Ростов, Ярославской губ.) – капитан Сергей Федорович Горошков, штабс-капитан – Григорий Семенович Петров (Рязань). Эта батарея в 1895–96 годах пришла походным порядком из Рязани в Никольск-Уссурийский. Командиром батареи был чудный, добрый полковник Николай Яковлевич Громов⁷¹, да и все офицеры – Петренко, Соколовский, Плазовский и Муравский – были славные добрые товарищи, и я отдыхал душевно у них, так что я и Змейцын столовались в батарее, а Змейцын и жил в батарее и раз, за разездом офицеров, целую неделю командовал батареей. Н. Я. Громов нам готовил отличный ликер из корок мандарина, мы выпивали его полведра в месяц. В батарее была отличная баня, и я каждую субботу мылся. Вообще, стрелки дружно жили с артиллеристами и в мирное, и [в] военное время. Священника в полку пока не было, а

⁶⁷ 43,75° по Цельсию.

⁶⁸ Импань – китайское укрепление, группа построек для войска, обнесенных валом и глинобитной стеной с бойницами и башенками.

⁶⁹ В результате Японо-китайской войны 1894–1895 годов.

⁷⁰ Вероятно, имеется в виду так называемый «крепостной флаг»: полотнище красного цвета с синим Андреевским крестом, окаймленным белыми полосами и с белым прямым поперечным крестом (до 1913).

⁷¹ Автор несколько «забегает вперед»: в 1898 году Николай Яковлевич Громов состоял в чине подполковника, в полковники он был произведен в 1901 году, оставаясь в той же должности командира 1-й батареи Восточно-Сибирского стрелкового артиллерийского дивизиона (с 6 апреля 1898 года).

временами приезжал из Порт-Артура о. Иосиф Никольский, но очень редко. В день Георгиевского праздника 26 ноября пели молебен только певчие по составленному мною конспекту без возгласов священника. Церковное пение хорошо знал подпоручик Александр Пор. Решетинский⁷², и хор был очень хорош. Было как-то тяжело без церковной службы, и это сказалось...

⁷² Александр Порфирьевич Решетинский на 1 января 1909 года штабс-капитан 11-го Восточно-Сибирского стрелкового пол ка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.